

Татьяна Маркова

ПЕСНЯ ОБ УРАЛЕ

**Очерк творчества
Людмилы Татьяничевой**

УДК 8Р2
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
М 25

Маркова Т.Н. Песня об Урале: Очер творчества Людмилы Татьянической [Текст] /Т.Н. Маркова. – Челябинск: Изд-во ООО «Энциклопедия», 2015. – 173 с.

ISBN 978-5-91274-279-8

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена столетнему юбилею поэтессы, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького Людмилы Константиновны Татьянической (1915 – 1980 гг.). Популярность ее стихов на Урале бесспорна, некоторые из них давно стали хрестоматийными. В сочинениях старшеклассников часто цитируется: «Когда говорят о России, Я вижу свой синий Урал». Такая хрестоматийность невольно сводит творчество Татьянической к одной теме, представляет ее как регионального поэта. А это неверно и несправедливо. В лучших своих произведениях Татьяническа достигла подлинных высот поэтического мастерства.

Празднование литературного юбилея – повод актуализировать культурную память общества. Нам хотелось бы, чтобы уральцы – молодые и старые – больше узнали о творческом пути нашей славной землячки, прочли знакомые стихи, вышедшие из-под ее пера, и может быть, захотели обратиться и к другим произведениям, чтобы перечитать их снова и снова. Книга предназначена для специалистов-филологов и всех интересующихся вопросами истории и современного состояния поэзии Урала.

ISBN 978-5-91274-279-8

Рецензенты: Л.В. Васильева, член СП РФ
О.Н. Михайлов, доктор филологических наук

© Т.Н. Маркова, 2015
© Изд-во ООО «Энциклопедия», 2015

ОТ АВТОРА

Так случилось, что сразу после окончания института занявшись изучением поэтического творчества Л.К. Татьяничевой, я долгое время не могла отважиться на личное знакомство. Считала, что прежде надобно основательно погрузиться в материал, разобраться в нем, уяснить для себя глубокие внутренние пружины саморазвития таланта. Впрочем, быть может, подспудно я боялась оказаться под влиянием величественной, красивой, суровой и очень серьезной женщины, каковою она представлялась по выступлениям и поздним фотографиям, а значит, как мне казалось, неизбежно расстаться с необходимой объективностью профессионального анализа. И вот, наконец, решилась ей написать.

Татьяничева со спокойным достоинством и благорасположенностью отнеслась к моему письму. 1 июня 1979 года я приезжаю в Москву, и вот полная неожиданность: Людмила Константиновна в больнице. Наша встреча состоялась, хотя больница – не лучшее место для столь важного, хочется верить, для нас обоих разговора. Но мы расстались с уверенностью, что встретимся через месяц в Магнитогорске, куда на юбилей комбината должна была приехать Людмила Константиновна. Но судьба распорядилась иначе.

Таким образом, оснований для воспоминаний о Татьяничевой-человеке у меня немного, но о Татьяниче-

вой-поэте, большом русском поэте, мне есть что сказать. Это человек большой и счастливой творческой судьбы, счастливой не в обывательском понимании слова – удачливой, благополучной, бескризисной – это трудное счастье т.н. «большого поколения» ровесников века, вынесших на своих плечах громадные испытания и тяготы многострадальной истории нашего Отечества. Ее голосом человека и художника говорило поколение комсомольцев 1930-х годов – рабфаковцев, участников легендарныхстроек первых пятилеток, преодолевших тяжелейшие испытания войны и послевоенного периода.

Это голос величавой славянки, голос женщины-матери, «матери человеческой», предъявляющей свой счет войне – даже не за миллионы погубленных жизней, а за неродившихся детей, несостоявшееся счастье материнства, за навсегда прерванные цепочки человеческих поколений. Лариса Васильева вспоминает, как Людмила Константиновна выступала в университете Гилфорда. По мнению английских студентов, они видели воочию настоящую русскую мать, такой, какой они ее себе представляли, и писали трогательные сочинения: «Людмила Татьяничева – русская мать».

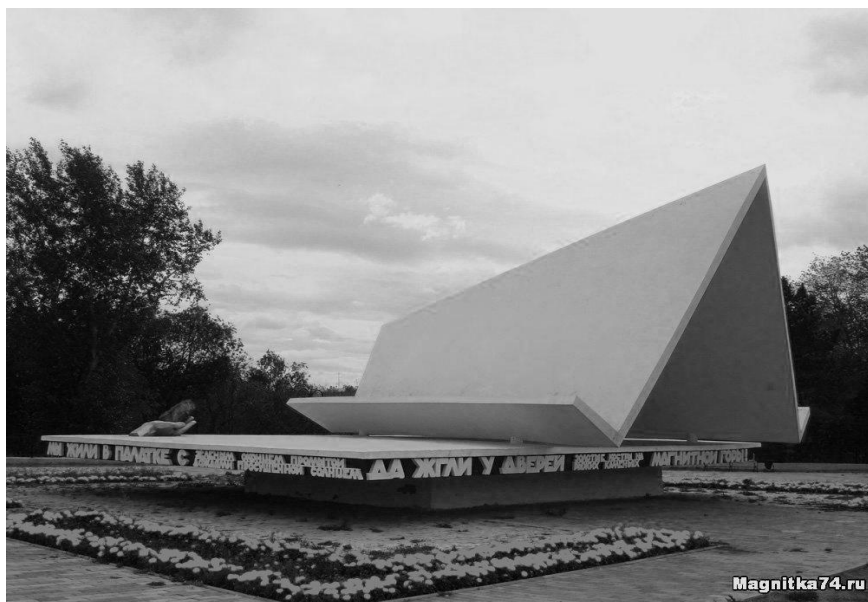
Между тем в стихах последних лет неожиданно открылся новый поэт, сочетающий мудрость прожитых лет с непосредственностью, свежестью ощущений окружающего мира в его первозданности. Татьяничева как будто освободилась от тягостного груза казавшихся важными самоограничений, сбросила сковывающий эмоции и движения души панцирь. В поздних стихах, освободившись от

дидактики, она обращается к вечным вопросам бытия – любви и счастья, жизни и смерти.

В декабре 2015 года исполняется 100 лет со дня рождения поэтессы. М.Л. Гаспаров писал: «Сто лет – это три поколения, от деда до внука, то есть время живой памяти: о том, что было сто лет назад, человек еще может услышать от живых свидетелей»¹. Празднование литературного юбилея – повод актуализировать культурную память общества. Хотелось бы, чтобы уральцы – молодые и старые – прочли знакомые стихи, вышедшие из-под пера нашей славной землячки, и может быть, захотели обратиться и к другим произведениям, чтобы перечитать их снова и снова. В наше смутное время поэзия Людмилы Татьяничевой, сам образ гордой, сильной женщины с ясным взглядом может укрепить нашу веру в завтрашний день.

¹ Гаспаров М.Л. Столетие как мера, или Классика на фоне современности // Новое литературное обозрение. 2003. № 62.

КОГДА-ТО В ТРИДЦАТОМ, В НАЧАЛЕ...

ГЛАВА I. КОГДА-ТО В ТРИДЦАТОМ, В НАЧАЛЕ...

Ни один человек не может миновать троп и вех своего поколения. При всей несхожести индивидуальных судеб главные события здесь непременно совпадают. Первые советские пятилетки, Великая Отечественная, послевоенное строительство – суровые и легендарные вехи пути поколения ровесников страны Советов, принадлежностью к которому гордилась Людмила Константиновна Татьяничева:

Я не ждала от жизни привилегий.

Считала счастьем быть такой, как все.

А судьба выдалась нелёгкая, даже суровая, и всё же – высокая судьба поэта.

Родилась Татьяничева 19 декабря 1915 года в небольшом среднерусском городке Ардатове. «Моя мать, Агриппина Степановна, – вспоминает она, – была сельской учительницей. Сквозь дымку лет видится мне задумчивое её лицо с выразительными огромными глазами и мягкой улыбкой.

Много лет мама учительствовала в глухом мордовском селе. Помню нечёсанные космы соломенных крыш, тёмные душные избы, поля, похожие на лоскутное одеяло, глинистые овраги и реденькие рощицы...

Жили мы в школе рядом с классной комнатой, где мама занималась одновременно с двумя классами. А по вечерам она уходила в Народный дом – учить грамоте

взрослых. Люди, знавшие мою мать, говорили, что она любила поэзию и сама писала стихи»².

Оставшись без отца в трехлетнем возрасте, в свои десять лет Татьянаичева потеряла мать, умершую после неудачной операции в Казани. Вот как вспоминает она об этом дне невозполнимой утраты: «Мне очень хотелось запомнить её могилку, тот бедный холмик, в изголовье которого не было ни креста, ни памятника, ни красной звезды. Я сняла со своей шеи шерстяной шарфик и обвязала им тёплый ствол берёзки, росшей поблизости, искренне веря, что по этой примете смогу безошибочно отыскать дорогу для меня могилу. Так оборвалось мое детство...»³. Девочкой-сироткой Татьянаичева переехала в Свердловск, где воспитывалась в доме дальних родственников Константина Рафаиловича и Марии Александровны Кожевниковых. Так Урал стал отчим краем и судьбой будущей поэтессы.

Её комсомольская юность похожа на юность многих тысяч её сверстников, комсомольцев 1930-х годов. Токарь вагоностроительного завода имени Воеводина, рабфаковка Свердловского института цветных металлов, в 1934 году она едет на Магнитострой. Именно с Магнитки принято вести творческую биографию Людмилы Татьянаичевой. Между тем писать стихи она начала значительно раньше и ко времени приезда на стройку хорошо владела стиховой культурой, имела свои устойчивые поэтические симпатии и, как следует из её собственного признания, была

² Татьянаичева Л. Лирические стихи. О себе. – М.: Художественная литература. 1964. С.3.

³ Цитируется по кн.: Сорокин В. Благодарение. Поэт о поэтах – М., 1986. С. 111-112.

одержима стремлением обрести свой путь, единственно необходимую ей судьбу поэта: «Возможно, я могла бы стать неплохим инженером, если бы иная страсть, иные стремления не заставили бросить на полпути учёбу и уехать на знаменитую стройку у горы Магнитной. Мне казалось, что именно там, на Магнитострое, я смогу стать поэтом и напишу стихи, нужные людям».⁴

Каким был её поэтический багаж ко времени прибытия на Магнитогорское строительство, мы можем судить по публикациям из архива поэтессы первых поэтических опытов Татьянической. В них явственно сильное фольклорное и книжное влияние.

В фольклоре горнозаводского Урала наряду с прозаическими жанрами (сказ, легенда, быль) активно бытовали поэтические: частушка, песня-романс. Последний представляет собой интереснейший продукт слияния фольклорной и книжной поэзии. Это народная лирическая песня, усвоившая форму (хореический размер, рифму, строфичность) книжной поэзии, но сохранившая общую тональность фольклорной песни, исполненную сердечной тоски, грусти.

Народная песенная стихия оказалась близка поэтическому мироощущению юной Татьянической. Трепетное любовное волнение гордого девичьего сердца героини, стоящей «на пороге взрослости», – вот главный мотив первых её стихотворений: «Подари мне шёлковый платок», «Шарф и платье выглажу», «Не тропой иду – сторонкой»,

⁴ Татьяническая Л. Лирические стихи. – М.: Художественная литература. 1964. С. 4-5.

«Я дорогу проторю» и других. Фольклорная традиция заметно повлияла на их поэтический язык и образность:

Подари мне шёлковый платок,
Клён мой добрый,
Стройный мой кленок, -
Пусть на голове моей влюблённой
Шелестит листвой твоей зелёной
И нашепчет звонкие слова
Для того,
О ком шумит молва.
Чтобы очи на меня он вскинул
Так, чтоб свет на мне сошёлся клином!⁵

Народные формы параллелизма, повторений, народная символика, лексика, фразеология, разговорный синтаксис являются характерными признаками поэтического строя ранней Татьяничевой.

В интонационном строе многих стихотворений ощущается близость к частушкам. Например:

Я дорогу проторю,
Когда снег уляжется,
О любви не говорю -
Пусть делами скажется!
Если же не скажется -
Будет пусть неназванной!
... Навсегда развяжется
Узел, мной завязанный!

Не менее сильным и значительным фактором, оказавшим влияние на раннее творчество Татьяничевой, была большая литература, русская классика. Приёмная мать, учительница русского языка, внимательно относилась к её литературному образованию. Будущая поэтесса с упоени-

⁵ Татьяничева Л.К. Из ранних стихов // Молодая гвардия. 1981. № 3. С. 9.

ем читала стихи Ф. Тютчева, А. Блока, С. Есенина, А. Ахматовой. Девичьему сердцу ближе всех оказалась любовная лирика Ахматовой.

Ранние стихи Татьяничевой 1932-1934 гг.: «Не говори, что ты меня обидел», «Снова стою у порога», «Голос мысли спокойный и строгий», «Я пришла к тебе в дождь проливной», «Я помню всё. И старый сад» – дают серьёзные основания для пересмотра мнения, полностью исключающего влияние Ахматовой на литературную молодёжь 1930-х годов.

История литературы располагает неоспоримыми фактами необычайной популярности стихов Ахматовой в среде женщин Советской России, работниц и рабфаковок. В качестве доказательства таковой А. Павловский, например, в своей книге «Анна Ахматова. Очерк творчества» приводит выдержки из писем красного комиссара Ларисы Рейснер, ответы Александры Коллонтай на вопросы многочисленных молодых читательниц Ахматовой. Причина такой популярности заключена в самой природе ахматовской лирики – глубокой искренности сердечной исповеди. Особенно сильное влияние Ахматовой, естественно, испытывали начинающие поэтессы. В их числе В. Инбер, В. Тушнова, Г. Николаева. Сильное влияние Ахматовой испытала молодая Л. Татьяничева.

Очевидно, что не без влияния автора «Вечера», «Чётки», «Белой стаи» возникли у Татьяничевой такие образы, как «горькое счастье неразделённой любви», «горячий бред», «горький запах надломленных веток», «скитальческий посох»:

Снова стою у порога,
Посох сжимаю сосновый.
Как ни трудна дорога,
Всё начинается снова.
Грянут весёлые грозы.
Сердце возьмут на поруки.
В поле подружки-берёзы
Нежно протянут мне руки.
И не тоской журавлиной –
Пеньем обрадуют птицы.
Всё, что ты отнял, любимый,
Мир возвратит мне сторицей⁶.

В стихах молодой уральской поэтессы нет ахматовского напряжённого внутреннего драматизма, но в них очень импонирует стремление к благородству чувства и жеста, тонкое ощущение природы, врачующей, исцеляющей сердечные раны, неизбежные на трудных жизненных дорогах. Мотивы грусти, тоски, проступающие в отдельных стихах Татьяничевой той поры, бесспорно, имеют книжное происхождение. Здесь совершенно очевидна открытая ориентация, прямое подражание творческой манере Ахматовой. Однако в самом факте ученичества следует видеть сильное благородное начало, так как через субъективное поклонение большому художнику происходило усвоение предшествующей стихотворной культуры.

Поэзия Л. Татьяничевой развивается, однако, в иное время, в условиях качественно иной социальной и литературной среды. Они-то и обусловили самостоятельность позиции, самобытность дальнейшего её творческого пути. Много позже Татьяничева призналась: «Меня всегда тяну-

⁶ Там же. С. 10.

ло к фабрикам, заводам, стройкам. Как говорил Горький, где заводы – там рабочий класс, где рабочий класс – там жизнь, а где жизнь – там и поэзия».⁷

Легендарная Магнитка! Сюда съезжались со всех концов страны Советов закладывать фундамент индустриальной мощи рабоче-крестьянской державы. Среди энтузиастов была и восемнадцатилетняя комсомолка Людмила Татьяничева.

Вспоминает Р. Шнейвайс, ответственный секретарь газеты «Магнитогорский рабочий»: «В кабинет редактора с путёвкой горкома комсомола пришла девушка лет девятнадцати, хрупкая, большеглазая, смуглая. С тяжёлым узлом кос на затылке.

– Так что же тебя привело к нам, Люда? – спрашивает редактор.

– Хочу работать в газете. Очень хочу.

– Ясно. Ну а что ты умеешь делать? Расскажи о себе.

Говорит девушка негромко, голос у неё тихий и спокойный, грудной. Биография у неё короткая, простая и вместе с тем трогательная. Десятилетним ребёнком осталась сиротой. Сестра матери забрала её в Свердловск. И здесь – школа, ученица токаря на заводе, рабфак, институт цветных металлов. Окончила два курса. Ну а дальше – по комсомольской путёвке на Магнитострой. И тут вмешиваюсь в разговор я:

– Как же с институтом?

– Ушла. Мешает он мне... Я другого хочу. Литература, поэзия – вот моя мечта.

⁷ Татьяничева Л. Где жизнь, там и поэзия // Литературная газета. 1973. 12 января. С. 3.

Три года я вместе с Татьяничей работал в «Магнитогорском рабочем». Я был ответственным секретарём, а она – литературным сотрудником отдела писем, позднее заведовала отделом культуры и быта. Однажды, когда ещё раз у нас зашёл разговор о выборе пути, Людмила призналась, что своё окончательное и твёрдое решение поехать в Магнитку она приняла под влиянием книжки стихов Бориса Ручьёва «Вторая родина», изданной в Свердловске в 1933 году.

– Книжка эта меня взволновала, – вспоминала она. – В ней что-то корчагинское – героика, романтика, какая-то огромность. И я решилась»⁸

Выступая под псевдонимом Фиолетова, молодая поэтесса с горячностью юности писала о застройке правого берега реки Урала, о детских учреждениях, о будущих здравницах Магнитки, о знаменитом ТРАМе (драматическом театре), о первой библиотеке металлургов, о первой линии трамвая. Человек поразительной энергии и обязательности, она подспудно накапливала тот багаж, который станет неистощимым запасом прочности на всю жизнь.

Перед огромностью завтрашнего дня Магнитки казались мизерными бытовые неустройства:

Как в мех, закутанный в куржак,
Прошитый жёсткими ветрами,
Стоял бревенчатый барак,
Не без труда обжитый нами.
С реки носил ты в вёдрах лёд.
Его, как сахар, мы кололи.
И в сером хлебе привкус соли
Мы полюбили в этот год.

⁸ Швейвайс Р. Челябинский рабочий. 1985. 18 декабря.

Поэт-магнитогорец Михаил Люгарин, семья которого приютила Людмилу Татьяничеву в одной из комнаток знаменитого, продуваемого всеми ветрами 112-го «писательского» барака, через многие годы вспоминал: «Ничем не отличался наш барак от сотен своих приземистых близнецов-временок. Такой же длинный сквозной коридор посередине, комнатушки с железными койками или топчанами и общий титан-самовар в угловой каморке. Одним лишь выделялось наше жилище: тут дольше, чем в других, не гасли огни, а в ином окошке электрическая лампочка, прикрытая самодельным абажуром или газетным листом, теплилась до утра: люди здесь писали стихи, рассказы, очерки о том, что происходило вокруг, что творили сами.

В начале 30-х годов, когда не было ещё ни улиц, ни переулков, бараки получали порядковые номера. Все эти временки строились наспех из горбыля и щитов. С маленькими окошками низкими покатыми крышами, с двумя рядами труб-дымоходов, побелённые снаружи, а внутри неоштукатуренные, они не имели никаких примет. Гости с трудом отыскивали наше литературное убежище в путанице трёхзначных номеров»⁹

О нём, о 112-ом бараке, в одной из своих последних книг «Магнитогорские пальмы» Татьяничева напишет:

Он ловко оседлал бугор
И дым свой к облакам простёр.
За сопками,
В седой дали,
Тогда шумели ковыли.

⁹ Люгарин М. Магнитогорский Парнас // Литературная Россия. 1980. 26 декабря.

В рассветный час,
В полночный час
Он не смыкал горячих глаз.

.....
Там чуть не каждый мой сосед
Был журналист или поэт.
Жил в белой комнатке своей
Магнитогорский чудодей –
Певец труда, любви, разлук –
Борис Ручьёв,
Старинный друг.
В рассветный час,
В полночный час
В бараке том огонь не гас¹⁰.

Рабочая среда сформировала знаменитое литературное объединение – магнитогорский «Буксир» (Вас. Макаров, Александр Ворошилов, Борис Ручьёв, Александр Авдеенко, Вячеслав Дробышевский, Михаил Люгарин, Николай Смелянский, Анатолий Панфилов, Марк Гроссман). О «Буксире» знал А. М. Горький, о «Буксире» говорил на производственном совещании 17 апреля 1932 года А. Сурков: «Ведь это факт, что магнитогорское строительство рядом с ростом нового завода... знаменует нам и рост местного отряда пролетарской литературы и пролетарской поэзии. Это закономерное и типичное для нашего сегодняшнего периода явление, что в этом Магнитогорске, который возник на голом месте, в течение года существует

¹⁰ Татьяничева Л.К. Магнитогорские пальмы. Стихи. М.: Советская Россия. 1979. С. 5.

литературный журнал, объединяющий вокруг себя большую группу рабочего творческого актива»¹¹

Магнитка властно притягивала к себе писательские силы. Отправляясь на строительство металлургического гиганта, Д. Бедный писал:

На Урал! Там зреет чудо
Под Магнитною горой.
В первомайский день не худо
Посмотреть Магнитострой,
А потом трубить победу:
Вот где песен я набрал.
До свиданья, братцы! Еду!
От «Известий». На Урал.

На строительстве Магнитогорска побывали Д. Бедный, А. Малышкин, К. Паустовский, Б. Горбатов, А. Гайдар, Н. Погодин, В. Катаев и другие известные писатели. Вместе с выездной редакцией журнала «Молодая гвардия» здесь был Я. Смеляков, большой друг рабочих поэтов Магнитки. В открытом письме руководителю «Буксира» поэту Вас. Макарову Смеляков писал: «Нужно бороться и уметь доказывать, что любовь к матери и родине, умение понимать природу у настоящего строителя социализма неразрывно связано с работой... Иначе весь быт его, все его чувства ни в коем случае не будут качественно новыми»¹².

В дружеском поэтическом послании «огоньковцев» «Привет ударникам Магнитостроя» эта мысль выражена афористично:

¹¹ Цитируется по ст.: Заманская В., Заманский Л. Страстное слово поэта // Урал. 1974. № 6. С. 145.

¹² Смеляков Я. Письмо поэту Макарову За магнитострой литературы. 1933. № 1. С. 18.

Мы знаем, что самое главное – это
Почувствовать самое главное.
Мы знаем, что самое главное – это
Не то, что гуляет река,
А то, что ребята несут пятилетку
В надёжных и верных руках¹³.

И в полном согласии с «огоньковцами» звучит ответное утверждение:

... трудный фронт Магнитостроя
Что ни декада, что ни день
Рождает тысячи героев,
Кроит по-новому людей.
И это – главное.
Об этом,
О тех, кто переделал труд,
Пусть песни явятся ответом,
Которые у нас растут¹⁴.

Стремление воспеть энтузиазм труда объединяло группу наиболее родственных друг другу Б. Ручьёва, Л. Татьяничеву, К. Мурзиди и др. Для них непререкаем был авторитет В. Маяковского, близок опыт Я. Смелякова, однако параллельно очень сильно сказалась ориентация на фольклор и классический стих, частично на полемически освоенную традицию Сергея Есенина.

Так, у Ручьёва при наличии типично лозунговых стихов («Ударный манифест» и т.п.) преобладают всё-таки песенно-лирические интонации, фольклорные образы и формы, безыскусная сердечная исповедь в традиционной

¹³ Поэты литбригады – Челябинск: Юж.Ур.кн.изд-во, 1969. С. 33.

¹⁴ Там же. С. 36.

стиховой структуре. Эстетическое освоение новой действительности проходило здесь посредством красок природно-естественных, органично, предметно-живописно выражающих пропорции и идеалы меняющегося мира. Немудрено, что Ручьёв просил своего современника:

Сыграй-ка, товарищ,
по совести, честно,
про наши участки,
бригады и дни,
для сердца – такую
чудесную песню,
которая стала бы
жизни сродни...¹⁵

Весьма характерным было для поэта сближение таких, казалось бы, несопоставимых образов, как ликующая песня весны и грохочущий оркестр завода, пробуждение природы и рождение новой трудовой энергии первостроителей:

День – сплошное золото,
.....
переправа солнца
в голубом бреду,
в грохоте завода
и в оркестрах города
жизнь кипит, как Волга,
на полном ходу...¹⁶

Страстное жизнелюбие, романтическая устремлённость и будущее в знаменитой «Песне о брезентовой палатке» торжествуют над трудностями и лишениями сурового, неустроенного быта первостроителей:

¹⁵ Ручьёв Б. Собр. соч. В 2 т. – Челябинск, 1978. Т. 1. С. 47.

¹⁶ Там же. С. 39.

Под зимним брезентом
в студёных постелях
мы жили и стыли,
дружили и пели,
чтоб нам подымать
золотые костры
нетронутой славы
Магнитной горы¹⁷.

Новое звучание в стихах Ручьёва получают многие традиционные тематические линии. Так, в «Песне о страдании подруги» акцент в конфликте несчастной любви перенесён на преодоление страдания в обстановке дружеского участия к девушке. Особенно взволнованно воплощена тема природы. Ручьёв убедительно сближает строго индивидуальный и трепетный природный пейзаж («Тополь», «Обоянка»), образ цветущей земли и мастеров «огненного ремесла». При сильном влиянии, какое оказала поэзия С. Есенина на молодого Ручьёва, качественно иная эпоха, условия творчества способствовали полному снятию мотива противопоставления города и деревни. Ручьёвская «первая родина» равняется по «второй»: «и там и здесь кипит работа-песня, «пот солёный чернит загар».

Характеризуя эмоциональный строй поэзии Ручьёва тех лет, критик Л. Стариков совершенно справедливо связывает его с общей атмосферой эпохи: «Все без исключения стихи его 1934-1936 годов – от частушечных монологов, исполненных высокой и чистой поэзии, наивного, но необычайно чистого чувства, до романтически приподнятых и торжественных лирических деклараций, славящих богатства бескрайней Родины, красоту и мощь трудового

¹⁷ Там же. С. 93.

подвига, страстной и верной любви – по-своему выражали, даже в преувеличениях и крайностях, раскованную радость новых, радужных надежд, новой, «соловьиной поры» в жизни страны и в жизни молодого поэта»¹⁸

Для некоторых магнитогорских поэтов вживание в новую среду не было безболезненным. Как признавался М. Люгарин: «Моей деревни Голубая дрёма Порой меня Сбивает со следа». Сходные мотивы находим в стихах А. Лозневого, В. Белихова и др.

Известные трудности, правда, иного порядка, испытала и Людмила Татьяничева. Они связаны с попыткой резко переключить «поэтический регистр» с лирического на патетический. В первых произведениях о Магнитке (например, «Магнитогорский марш») ей не хватало смелости обобщений, она пользовалась отстоявшимися словесно-образными решениями темы. Встречались и декларативные строки («Вгрызались в породу, круша динамитом упрямую толщу пород», или «Бесстрашно мы выйдем в бои» и т.п.), необыгранные повторы, невыразительная рифма (сполна – дела, скверы – гремели). Впоследствии о Магнитке ею будет написано немало значительно более удачных стихов, однако важность в широком мировоззренческом плане этого, начального для поэтессы периода неоспорима.

Татьяничева уже в годы своей юности нашла собственную призму восприятия происходящего, формы поэтических обобщений проблемы «работа и любовь», скажем, в таком плане:

¹⁸ Стариков Д. Борис Ручьёв. – М.: Советская Россия. 1969. С. 31-32.

Ты спокойный, настойчивый, гордый,
Может, только в горячем бреду
Назовёшь моим именем город,
Где лиловые сливы цветут¹⁹

Очень показательное первое выступление Татьяничей в магнитогорской литгруппе. Вспоминает Марк Гроссман: «Мы, Ручьёв, Люгарин, Макаров, были на Магнитке своими. В спорах о литературе, о романах, о стихах задавали тон. Она явилась из Свердловска, тогда литературного затишья, да ещё со студенческой скамьи. Но, знаете ли, не сробела среди нашей громкой братвы – постоянных обитателей «Кабинета рабочего автора», и как-то сразу «поставила себя».

Однажды она поднялась со скамьи, взглянула на Бориса Ручьёва – тот сидел в тот вечер на председательской табуретке – и сказала:

– Может, мы поспорим стихами? Самый лучший оратор – это только оратор, а нам положена поэзия.

Борис усмехнулся, расстегнул верхнюю пуговицу кофеворотки, проворчал:

– А что ж? Она права, пожалуй... – кивнул головой. – Тогда с тебя и начнём. Помнишь наизусть что-нибудь?

– Помню. Сейчас прочту.

И стала декламировать...²⁰

Светло и радостно, по-девичьи взволнованно звучит голос поэтессы в стихах «Кто бы поверил», «Здесь раздолье весёлым ветрам» и др. В добром краю, среди родных берез, в тон весёлым ветрам поётся счастливая юная песня:

¹⁹ Поэты литбригады – Челябинск: Юж.Ур.кн.изд-во, 1969. С. 87.

²⁰ Цитируется по кн.: Ханбеков Л. Судьба – это мы. Челябинск: Юж.-Ур. кн. изд-во. 1984. С. 12-13.

Здесь раздолье весёлым ветрам,
Травы пышны и рыжи по-лисий.
Здесь приходят ко мне по утрам
Сном омытые добрые мысли.
Я иду меж берёз и пою.
Тихий лес беспечален и ярок.
Каждый день в этом добром краю –
Как любимого друга подарок...²¹

Совершенно очевидно, что для стихов ранней Татьяничевой характерны песенно-лирические интонации, наглядные, предметные образные детали:

Много это или нет,
Рассудите сами...
Восемнадцать звонких лет,
Солнце над лесами,
Чёрный дождь прямых волос –
Мамино наследство
Да лохматый добрый пёс,
Гревший моё детство...²²

Неповторимым вкладом Татьяничевой в поэзию Магнитки стали её стихи о материнстве. Первое было написано в 1936 году – «О сыне». Оно исполнено просыпающей нежности к ещё не родившемуся долгожданному ребёнку. Звучит счастливая мечта матери о том, как поведёт она своего малыша по земле цветущей в гостеприимно распахнутый перед ним большой и прекрасный мир.

Стихотворение отличается искренностью и свежестью чувства, естественно-приподнятой интонацией радостной взволнованности:

²¹ Татьяничева Л.К. Из ранних стихов // Молодая гвардия. 1981. № 3. С. 9.

²² Там же. С. 11.

Над тобой склонятся огненные маки,
Ласковые руки ивовых ветвей.
Чтоб ты рос весёлым,
Чтобы меньше плакал,
Я спою счастливую песню матерей²³

Интенсивность переживания и красок, приёмов здесь находятся в гармонии, они призваны передать духовное состояние счастья, уверенности в светлом будущем, поэтому эти интимные стихи становятся выражением современности, полных исторического оптимизма 1930-х годов.

В крылатых снах маленького героя стихотворения «Мой герой» (1938) слышится мотив полёта, который в эти годы имеет вполне реальное содержание (беспосадочный полёт Москва – Дальний Восток экипажа самолёта «Родина», беспримерный перелёт через Северный полюс), потому открыто сопряжён с образами Ширшова и Папанина, которые «с дрейфующей льдины салют отдают». Дерзкие орлята с отчего порога, от материнской груди устремляются в небесные пространства; с гордостью, любовью, но и с болью в сердце провожают их матери («Орлёнок»). Мотив высоты звучит и конкретно и обобщённо.

С появлением образа отважного в своих дерзаниях героя – искателя и деятеля – развивается в поэзии Татьянической мысль о высоте человеческих помыслов и возможностях. Думается, в такой форме проявляются зачатки будущей магистральной темы Татьянической – вдохновенного человеческого труда.

²³ Поэты литбригады. 1969. С. 89

Нелёгко был путь к обретению своего голоса, своего героя. Появлялись стихи проходные, не согретые подлинным чувством, не вызывающие ответного переживания. Стремление к лаконизму, композиционной стройности, сжатой словесной точности, отличающие произведения Татьянической зрелой поры, осуществлялось через преодоление рыхлости композиции, длиннот стихов «Встреча» (1934), «Командир высот» (1935). Но уже в начальный период начинают обозначаться определяющие черты лирической героини Татьянической: самоотверженность, преданность, сила чувств, которые позже, в 1944 году, приведут к рождению яркого цикла «Ярославна».

В поэзию Магнитки 1930-х годов стихи Людмилы Татьянической внесли мягкую, тёплую эмоциональную струю, в них попытка проникновения во внутреннее состояние современников, в частности, женщины. Природа и труд, радость и страдания любви, семья, материнство – находятся в сфере внимания поэтессы, но все традиционные темы окрашены особым колоритом эпохи и конкретным колоритом уральского края. Интимный мир лирической героини Татьянической не выглядит камерным, он заполнен высокими помыслами и переживаниями. Мотивы её творчества созвучны общему пафосу строительства и преобразования. Именно это качество понималось Татьянической как сущность нового мироощущения. Будучи сотрудником редакции газеты «Магнитогорский рабочий», она не раз выступала с критическими статьями по вопросам литературы и искусства. И в одной из них отмечала в произведениях молодых поэтов Магнитки отсутствие конкретных образов и в то же время мажорность об-

щего настроения: «Много технически слабых, незрелых стихов. Но зато нет ни одного стихотворения, которое по содержанию своему было бы овеяно пессимизмом. Все стихи наполнены радостью, подлинно советским оптимизмом»²⁴.

Литературное движение Магнитки 1930-х годов – явление сложное, но в своём роде замечательное – оказалось благоприятной средой, которая обусловила высокий накал гражданственности, сформировала у молодой поэтессы нравственные устои; стала той почвой, на которой возник прочный фундамент её дальнейшего творчества.

²⁴ Татьяначева Л. Песни, рождённые жизнью // Магнитогорский рабочий. 1938. 15 июля.

В ГОДУ ВОЕННОМ...

ГЛАВА II. В ГОДУ ВОЕННОМ...

В годину тяжёлых испытаний, выпавших на долю советского народа, поэты Урала нашли достойное место в решительной схватке с врагом. Многие ушли на фронт в составе Уральского добровольческого танкового корпуса: М. Львов, М. Гроссман, Я. Вохменцев и др. Не вернулись с полей сражений, пали смертью героев К. Реутов, В. Занадворов и молодые, только успевшие заявить о себе В. Вохменцев и И. Бортников. Писатели-южноуральцы, оставшиеся в тылу, вместе с рабочими ковали оружие победы. В их числе была Людмила Татьяничева.

Вместе со всей страной уральцы переживали горечь поражений первых месяцев войны, свято, беззаветно веря в завтрашнюю победу. Они поклялись отдать все силы великой борьбе и сдержали свою клятву. Мальчишки-подростки, девушки, женщины, старики-ветераны приняли вахту у мартенов и домен Магнитки. С радостью следили они за продвижением Красной Армии, отвоёвывающей в ожесточённых схватках с фашистами родные города и сёла.

5 марта 1942 года в областной газете «Челябинский рабочий» было опубликовано обращение трудящихся женщин Челябинской области «К женщинам освобождённой земли». Среди полутора десятков подписей фамилия Л. Татьяничевой. Много лет спустя она вспоминает о незабываемой поездке:

«Мы везли тогда в Подмосковье эшелон подарков, собранных по всей области. Это был сердечный дар уральцев людям, только что сбросившим фашистское иго. Вагоны с одеждой, продуктами, в том числе с уральскими пельменями. Поезд шёл медленно, пропуская мчавшиеся военные эшелоны. Началась оттепель, и мы очень боялись, что не довезём пельмени. На каждой остановке тормозили станционное начальство: «Нельзя ли быстрее?»»

Москва встретила затемнениями, холодными гостиницами, воздушными тревогами. Это был ещё фронтовой город.

Наша делегация разделилась. Я попала в Волоколамский район. Сам Волоколамск дымился.

Нет, такое забыть нельзя никогда! Стариковские глазёнки ребятишек, их голодные, холодные, непередаваемые взгляды. Не сёла, а пепелища с одним, двумя догорающими домами.

Лик войны – страшный лик. Но мы, люди тыла, увидели лик варварской войны, которую вёл фашизм.

Мы встречались со многими людьми, пережившими фашистское иго. И тут раскрывалась во всей широте созидательная черта характера советского человека. Люди выходили из щелей, укрытий, всевозможных землянок и тут же начинали строить. Они с глазами, полными слёз, радовались, что их не забыли, помнят, что им шлёт свои приветы Урал.

Мы встречались с партизанами, только что вышедшими из лесов. Им через несколько дней предстояли новые рейды по тылам врага.

Поездка в освобождённые районы оставила в душе неизгладимый след. Мы увидели горе, боль, слёзы. Мы почувствовали огромную, ломающую решимость победить. Я рассказала обо всём увиденном и пережитом челябинцам»²⁵.

Память сердца переплавилась в стихотворные строки о сиротских слезах военного детства:

Припомнишь
И душою дрогнешь:
Вокзал военный.
Толчея...
Носила девочка-заморыш
В ведёрках воду из ручья.
Она водой не торговала.
Руками,
Смуглыми как рожь,
Солдатам молча подавала
В теплушку запотевший
Ковш.
Глядела,
Горько примечая,
Что приближается гроза...
Вода живая
Ключевая
Была как детская слеза...²⁶

Но это уже в 70-е, а тогда, в военном 1944-ом маленькой книжицей размером в детскую ладонь в типографии газеты «Магнитогорский рабочий» вышел первый поэтический сборник Л. Татьяничевой с программным названием «Верность».

²⁵ Челябинский рабочий. 1970. 22 февраля.

²⁶ Татьяничева Л.К. Верность. М.: Русская книга. 2005. С. 153.

Сборник состоит из четырёх циклов: «Магнитка», «Мы не простим!», «Ярославна», «Лирические миниатюры». Всем им предпосланы эпиграфы, скрепляющие части между собой. Цикл «Магнитка» открывают строки:

В степи лежит, как на ладони,
Мой город, славой окрылённый.

Они взяты из стихотворения «Слиток», не вошедшего в сборник, напечатанного двумя годами раньше в журнале «Огонёк», со страниц которого Татьяничева вышла к всесоюзному читателю. Неслучайно эта часть сборника сделана вводной.

Да не померкнет слава наших дней!
Она пройдёт сквозь многие столетья
И будет жить, покуда солнце светит
Над негасимой родиной моей²⁷.

Звучит гимн второму поколению магнитогорских строителей, «солдатам труда», которым суждено быть былинными героями в глазах потомков, гимн суровой романтике «горячих строительных ночей», когда в сорок третьем, «победами увенчанном году» поднимались стальные корпуса шестой Комсомольской домны руками шестнадцатилетних мастеров. Их трудовая эстафета, берущая начало в героических тридцатых, продолжалась в сороковые и освещала путь потомков:

Они прославят наше время в песнях,
И будут юноши грядущих лет жалеть,
Что не они, а мы с тобой, ровесник,
Трудом упорным побеждали смерть²⁸.

²⁷ Татьяничева Л.К. Верность. Челябинск: Челябингиз. 1944. С. 5.

²⁸ Там же.

Автор стихотворения «Магнитогорск» мысленно возвращалась к началу великого строительства:

Мы помним город с колыбели,
Седел ковыль, ржавел бурьян,
Да ветры по-киргизски пели,
Привстав на золото стремян²⁹.

Магнитогорск представляется символом трудового Урала – опорного края великой державы, символом дерзновенного человеческого содружества, «величавой темой ещё не сложенных легенд». В образной системе стиха преобладают «холодные», «студёные» эпитеты и сравнения: январской стужи синева, воздух, как полярный лёд, заиндевелые руки строителей. Всё это для того, чтобы запечатлеть, как холод превращается в тепло беспримерным мужеством труда.

Тема трудового тыла – одна из наименее разработанных тем литературы Великой Отечественной войны. Трудовому подвигу Урала посвящены поэма «Урал» (1943) Н. Асеева, роман «Испытание» (1943) А. Первенцева, очерки «Урал в обороне» (1944) М. Шагинян и «Огни большого Урала» (1944) А. Суркова. Заметным явлением в поэзии тех лет стали стихотворения Л. Татьяничевой «Сталевар» (1942) и «Мастер» (1943).

Публикации в журнале «Огонёк» свидетельствуют об интересе к этим произведениям центральной печати, обусловленном, прежде всего, необычностью, новизной решения темы.

Апробированный набор литературных средств, рисующих внешние признаки труда сталеvara (традицион-

²⁹ Там же С. 6.

ные очки, отсветы пламени и т.п.), по-своему ожили в новом контексте: сквозь засинённое стекло всматривается в тяжёлое брожение закипающей в печи стали... девушка с золотой короной кос на голове. Тепло, нежно, даже с улыбкой рисуется образ юной героини, следящей с чувством, похожим на материнское, за рождением металла. Отказ от стереотипа имел вполне реальное основание и способствовал созданию живого поэтического образа женщины-сталевара.

Выпукло, запоминаясь воссоздан внутренний облик героя в стихотворении «Мастер». Седоволосый, угрюмый и кряжистый богатырь, потомственный рудознатец, магнитогорский старожил, заслуживающий трудом почёт и славу, он открывает галерею портретов уральских тружеников-умельцев в поэзии Татьянической. Образ мастера принимает ярко выраженный обобщённо-символический смысл:

... Вот он стоит, старик-ведун,
И смотрит в круг оконца:
Уральской выплавки чугуна
Лавиной мести льётся.
Седоволос, угрюм, кряжист,
Металл ему подвластен.
Он сыновьям спасает жизнь,
Магнитогорский мастер³⁰.

Слово поэтессы звучит то сурово, то призывно, то нежно, с плачем и мольбой. Сильная, гордая, преданно любящая славянка, кажется, говорит её устами:

³⁰ Там же. С. 8-9.

Снова дует неистовый ветер –
Быть кровавому, злому дождю.
Сколько дней, сколько длинных столетий
Я тебя, мой единственный, жду.
Выйду в поле, то едешь не ты ли
На запененном верном коне?..
Я ждала тебя в древнем Путивле
На высокой на белой стене³¹.

Не только образ прекрасной в своей верности любимому Ярославны, но и сказочную интонацию, песенную ритмику народной поэзии творчески трансформировала Татьяничева. Яркие эмоциональные эпитеты (свинцовый злой дождь, могучая сила, горячие раны, крылатый конь, бранный путь), обилие параллелей, повторов предлогов и знаменательных слов, анафор – все эти средства фольклорной поэтики обнаруживаются в «Ярославне». Кольцевая композиция стихотворения, помимо интонационной, мелодической, несёт и идейную нагрузку, утверждая лучшие черты национального женского характера как непреходящие. Не просто принцип аналогии, а поэтическая условность, позволяющая свободное перемещение лирического «я» поэтессы во времени, лежит в основе этого стихотворения. Образ Ярославны выступает как вечный символ верности возлюбленной, жены; но акцент в произведении советской поэтессы перенесён с плача, причитания на тревожное ожидание любимого и деятельное стремление героини уберечь, охранить, спасти его:

³¹ Там же. С. 23–24.

Я навстречу зегзицей летела,
Не страшилась врагов-басурман.
Я твоё богатырское тело
Столько раз врачевала от ран.

Крепостная стена Путивля представляется символической стеной земли Русской. Так в произведении о сокровенных переживаниях вырастает тема свободной, непокорённой, «нетленной» Руси, которую от пришельцев-врагов во все времена стерегут могучие богатыри.

Отдельные стихи замечательного цикла «Ярославна» могут достойно стоять рядом с любовной лирикой М. Исаковского, К. Симонова, С. Щипачёва, А. Суркова, О. Берггольц и др., лирикой сложных человеческих отношений, больших социально-нравственных обобщений. Татьянаичева находит точные и проникновенные слова, чтобы воссоздать лик своего героического времени и его восприятие теми, кто вынужден был крепить мощь страны в тылу:

Мы разучились плакать в этот год,
И наши песни сделались иными.
Про этот год жестоких непогод
Словами рассказать какими?
Где их найти, желанные слова,
Горячие, как зарево пожарищ?
Но песня – что любовь.
Она в душе жива.
И эта песня о тебе, товарищ!³²

Стремление к действенности поэтического слова в эти годы вновь вызывает к жизни, естественно, трансфор-

³² Там же. С. 91-92.

мированные, такие фольклорные формы, как заклинание, плач, клятва и т.д. Тяготение к ним ярко проявилось в поэзии тех лет: «Заповедь мстителя» и «Наказ сыну» Михаила Исаковского, «Человек склонился над водой» Алексея Суркова, «Клятва» и «Мужество» Анны Ахматовой и многие другие. В форме стихотворного послания-заклинания написано стихотворение Татьянической «Верь». Достойным ответом на симоновское «Жди меня» представляются его строки:

Я не знаю, где ты теперь.
Третий год не смолкает бой.
Только ты не грусти и верь,
Что люблю и всегда с тобой

Или:

На поле невиданной битвы
Иду за тобой, любя.
Писем моих молитвы
Да будут хранить тебя.

Завершается сборник «Верность» циклом «Лирические миниатюры», на первый взгляд, неорганичный в книге с таким мужественным названием, но это только на первый взгляд.

Размышляя о том, что же главное почерпнут потомки из поэзии военного лихолетья, А. Сурков сказал: «Вчитываясь в стихи военных лет, они отметят памятью и сердцем то неистребимое предчувствие победы, которое, подобно электрическому току, пронизано всю жизнь народа, все его усилия и всё написанное поэтами в самые трагические дни и месяцы войны...»³³. В стихах 1944-1945

³³ Сурков А. Предчувствие победы // А.Сурков. Собр. соч. В 4 т. Т.4. С. 244.

гг. солнечным, весенним становится сам пейзаж войны («Весна» В. Инбер, «Сестра нашей славы – весна» А. Суркова и др.). Эпиграфом к последнему циклу сборника Татьянической предпосланы строки стихотворения «Твое письмо»:

... И сквозь огонь сражений
Мы видим весен солнцепёк...

Стихи, завершающие сборник, исполнены настроением весенней окрылённости, радостного пробуждения:

Всё в полёте, в бешеном круженье,
В криках птиц, в мельканье быстрых крыл.

Человеческое стремление к жизни, к счастью победно прорывается через «брюзгливый дождь», «насушенные тучи», женщины – «поют о море, о дожде, о счастье. А песня кончится – поют без слов». Так переосмысливается название стихотворения «Ненастье». А несколько позже появляется известная поэтическая формула Л. Мартынова: «Человечеству хочется песен», психологически точно выразившая эмоциональный настрой первых послевоенных лет.

В другой миниатюре Татьянической – «Фиалки» – образ скромного букетика засушенных полевых цветов, собранных утром после боя, становится воплощением красоты, верности в любви, утверждающегося счастья.

Мажорная тональность последнего цикла определила эмоциональную атмосферу второй поэтической книжки Татьянической – «Стихи» (1945). Здесь всё подчинено прославлению родного края и ожиданию встречи с ним после тяжких военных испытаний. Поэзия красоты прорастает в характерных для Татьянической скромных деталях.

От ностальгии, оживляющей в памяти запахи медвяной мяты, сосен, пашни, заходит в сердце тоской танкиста («Растёт под окошком медвяная мята»). Свежесть, чистота разлиты в миниатюре «Весной», рисующей встречу танкиста с девушкой. Тонко и своеобразно, с мягкой иронией и светлым предчувствием счастья передано ощущение весны в стихотворении «На левый бок повернулся медведь». В «Утре Победы» (впервые напечатано в газете «Челябинский рабочий» 10 мая 1945 года) выражена своеобразная радость, достойно венчающая мужественную борьбу с врагом:

Светлые слёзы народного счастья
Смешались с весенним потоком дождя³⁴.

Не только просветлённостью интонации отличается вторая книжка Татьяничевой от «Верности», но и большей художественной цельностью, гармоничностью образной системы. Здесь по-прежнему заметно влияние фольклорной традиции и некоторых отдельных поэтов, но отсутствует прямая подражательность, более выразительно и чётко проступает свойственное поэтессе видение, понимание и поэтическое отражение действительности. Прав был рецензент этого сборника: «У Татьяничевой, несомненно, есть взволнованность, свой подход к теме. Песню об Урале Татьяничева поёт от сердца и по-девичьи взволнованно. Лирически подходит и к трудной теме об индустриальном Урале»³⁵. Татьяничева действительно знала, любила, жила тем, о чём писала, поэтому глубоко выношенными оказываются даже самые обычные ассоциации и краски.

³⁴ Татьяничева Л.К. Стихи. Челябинск. 1945. С. 44.

³⁵ Зенкевич М. Песни об Урале // Литературная газета. 1945. № 26. С. 4.

Они позволяют прийти к немалым, воистину неповторимым обобщениям.

Программным в сборнике является стихотворение «Когда говорят о России». О том, какое значение придавала ему сама поэтесса, свидетельствуют, во-первых, его многократные включения в последующие сборники, во-вторых, длительная его переработка. Стихотворение появляется то под названием «Мой Урал», «Урал», то без названия, значительно отличаются его варианты, но неизменными остаются начальные и заключительные строки, в которых автор нашла свой поэтический эквивалент образу родины:

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.

В первом варианте преобладает ощущение некоей почти физической близости, родства с родным краем, будто каждой клеточкой поэтесса связана с ним:

Я слышу – до жадного слуха
Пробилась она сквозь века –
Грохочет, гремит Громотуха,
Весёлая, злая река³⁶.

Героиня умеет «читать по звериному следу зелёную книгу лесов», ей знакомы птичьи повадки, «Любы степенные речи, ночёвки в избушках лесных, и тяжесть котомки заплечной, и ветер тревожной весны, гор неприступных высоты, где камни прозрачны, как лёд, и радость пытливой работы, и песни спокойный полёт...». Но эти образы представляют переживание как бы вне времени, тогда как спокойная фиксация явлений для Татьяничевой не харак-

³⁶ Татьяничева Л.К. Стихи. 1945. С. 4.

терна. Напротив, поэтической манере молодой поэтессы свойственна взволнованность, тяготение к многозначности детали, картины.

Наблюдая над вариантами, мы видим, как стихотворение красочное, но не сцементированное общей мыслью, обретает многомерность и в ней композиционную стройность. Поэтесса значительно сокращает, перерабатывает, наконец, совершенно изменяет серединную его часть (если сравнить первую и окончательную редакцию). Смещается поэтический акцент: если поначалу это дочерняя любовь, нерасторжимая связь с могучей природой и весьма неопределённая «радость пытливого работы», то в последующих редакциях изначально данное, врождённое чувство сменяется глубоко осознанной гордостью современника и деятеля пробуждённого Урала. Более того, социально-исторический аспект углубляется осмыслением эстетического идеала своего времени:

Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавят металл.
...Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал³⁷.

Сердечно приветствовал автора «Когда говорят о России» уральский писатель Павел Бажов: «Вчера прочитал в «Огоньке» Ваши стихи. От души поздравляю с выхо-

³⁷ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худ. лит. 1976. Т. 2. С. 12.

дом на широкое плесо, каким, бесспорно, является этот журнал... Хорошо, что редакция взяла стихи с «преобладанием областного колорита». Пусть-ка кой-кто из составителей поэм и баллад об Урале поглядит, как можно писать о нём, когда его любишь и знаешь не только по книжке Семёнова-Тян-Шанского, когда его видишь вплотную, а не из окна вагона... Впрочем, эта публика вряд ли поймёт в полную меру прелесть образа «сосны босые сбегают с задымленных скал». В лучшем случае прикроют многоспальным одеялом «счастливых находок». Ну и пусть! Мы-то знаем, что эти находки не приходят на писательский стол ни с книжных полок, ни с городских улиц, даже идеально асфальтированных, как знаем и то, что истинную любовь нельзя подменить виртуозностью версификации...»³⁸.

«Дорогим подарком, – вспоминает Татьяначева, – было для меня это письмо, исполненное доброжелательства и желания уберечь молодого литератора от хитрых ловушек мелкотемья, от книжности и витиеватой манерности»³⁹.

Как самоцветные камни нанизывались на живую нить стихи:

Когда-то над хребтом Урала,
Солёной свежести полна,
С ветрами буйно пировала
Морская вольная волна.
Ей было любо на просторе

³⁸ Цитируется по кн.: Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М., 1978. С. 138.

³⁹ Там же.

Плескаться и стремиться ввысь.
Отхлынуло, исчезло море,
И горы к небу поднялись.
Всё стало сушей. Но природа
То море в памяти хранит:
В тяжёлых, сумрачных породах
Волной играет малахит
Он морем до краёв наполнен
И, кажется, слегка подуть –
Проснутся каменные волны
И морю вновь откроют путь⁴⁰.

Цвет и узор малахитового камня имеет сходство с морской волной. Но этого мало автору. Зрительная ассоциация становится толчком для создания художественного образа-легенды об уральском самоцвете, хранящем память о солёной свежести вольной волны, исчезнувшего под сушей моря. Не случайно поэт Василий Фёдоров откликнулся на «Малахит» признанием: «Прочитав двадцать строк этого стихотворения, я понял, что на Урале живёт настоящая поэтесса, с пытливым умом и доброй фантазией... Ещё ничего не зная о написавшей эти строки, я уже о многом догадывался. Если она смогла увидеть давнее рождение малахита, то ей дано многое увидеть в нашей жизни: и красоту родной земли, и красоту нашего советского человека»⁴¹.

Стихи «Когда говорят о России», «Малахит», «Среди имён любимых и родных», как уже известные «Магнитогорск», «Сталевар», составившие сборник 1945 года, от-

⁴⁰ Татьянаичева Л.К. Стихи. Челябинск. 1945. С. 6.

⁴¹ Фёдоров В. Собр. соч. В 3 т. М. : Молодая гвардия. 1976. Т.3. С. 523.

крыли большого самобытного поэта, умеющего передать неповторимые черты уральской земли и самобытного уральского характера.

Критикой того времени как наиболее удачные отмечались стихи Татьяничевой «о советской женщине», где по-уральски, крепко показана женская верность»⁴². Однако толковалась эта тема несколько узко, социологично, тогда как Татьяничева заметно расширила сферу своего эстетического восприятия жизни. Замечательно в этом смысле стихотворение «Сказ», где возникает образ прародительницы бабки, завещавшей хранить верность погибшим в бою:

Узнав, что друг в бою убит,
Подруга уходила в скит.
Чтобы в лесу, в глухом скиту
Свою оплакивать беду,
И чтоб любовь свою сберечь
От наважденья жарких встреч⁴³.

Здесь, как и в «Ярославне», совершенно очевидна ориентация Татьяничевой на народные традиции верности, но в развитии этого мотива имеются ясно различимые черты нового времени, черты советской женщины, преодолевшей трудности войны, обретшей в её испытаниях неодолимую силу к жизни. В более поздних редакциях они подчёркнуты и композиционным делением стихотворения на две части:

⁴² Зенкевич М. Песни об Урале // Литературная газета. 1945. № 26. С. 4.

⁴³ Татьяничева Л.К. Стихи. 1945. С. 23.

первая редакция:

Но если не вернёт война
Тебя. И будешь ты убит –
Душою любящей сильна,
Я не пойду в тишайший скит,
И буду я работать, жить,
И, подвигом твоим горда,
Былому счастью изменить
Я не посмею никогда⁴⁴.

окончательная редакция:

Прошла жестокая война
Я выжила, а ты убит.
Но воля к жизни так сильна,
Что падать духом не велит.
Она велит мне сильной быть,
В далёкий скит не уходя.
Трудиться, петь, детей растить
И за себя и за тебя⁴⁵.

В суровом и правдивом стихотворении «Вдова» традиционный поэтический приём русской народной лирики – параллелизм способствует созданию поэтического образа мужественной и гордой женщины, не сгибающей головы перед несчастьем. При этом поэтесса далека от легковесного оптимизма, она проникновенно передаёт боль невозвратимой утраты, расширяет сферу поиска до осмысления трагических последствий войны:

И когда-нибудь в праздник престольный
Вдовьих слёз ты не можешь сдержать.
Ведь никто не расскажет, как больно
Будет тем, кому некого ждать⁴⁶.

Именно в силу глубокого достижения трагизма эпохи убедительно воспринимается утверждение нового отношения к жизни, как бы отвечающего на все прошлые, бесчисленные в сложной истории страны страдания русской женщины.

Поэтический голос Татьяничевой по-новому звучит в стихотворении «Мать», в сравнении с ранним (1938 года)

⁴⁴ Там же С. 24.

⁴⁵ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. 1976. Т. 1. С. 184.

⁴⁶ Стихи. 1945. С. 30.

вариантом – «Думы матери». Его содержание отличается жизненностью, правдивостью прощания матери с сыном, уходящим на фронт. Мать мечтает о несбыточном: «Далеко отсюда до войны, без него там справятся с врагами». Но в поздней редакции появляется новый мотив преодоления минутной слабости, озвученный так, что вместе с ним вступает философская тема Родины, воспринятой через душу матери:

В час разлуки сердце подсказало
Мне иные, гордые слова.
Может быть, не сердце, а Россия
Мне шептала: Родина в огне.
Обнимая сына, я просила:
Будь, мой мальчик, храбрым на войне⁴⁷.

Традиционная метафора «Мать-Россия», трансформируясь, воплотится позднее в символический образ в стихотворении «Ей приснилось, что она – Россия». Прожитое и пережитое укрепило строку, в полный рост перед нами встала женщина-поэт, женщина-мать.

Конечно, в сборнике «Стихи» можно встретить и стёртые строки. Людмила Татьяничева, как писал А. Яшин, иногда «сбивается на мелочах: неоправданный ритм, слабые рифмы и т.д.»⁴⁸, но в целом здесь отчётливо проступили черты своеобразной поэтической манеры. На обсуждении стихов Татьяничевой в Союзе советских писателей в 1945 году ей было предложено подготовить сборник лучших стихов для издания в Москве. Однако в 1946 году ни книжка в московском издательстве «Советский писатель»,

⁴⁷ Там же. С.26.

⁴⁸ Яшин М. О стихах Людмилы Татьяничевой // Огонёк. 1945. № 40. С. 13.

ни сборник «Лирика», подготовленный свердловским издательством, не вышли.

Татьяничеву не баловала жизнь и стезя поэта. Путь её, исполненный глубокой внутренней логики, не был лёгок и прост. Через серьёзные жизненные испытания и мучительный творческий поиск предстояло ей пройти в первые послевоенные годы.

В ПОИСКЕ «СОКРОВЕННОГО СЛОВА»

ГЛАВА III. В ПОИСКЕ «СОКРОВЕННОГО СЛОВА»

Переживания народа-победителя замечательно выразил Леонид Леонов: «Радость наша больше горя, а жизнь сильнее смерти, и громче любой тишины людская песня... Её содержание в том, о чём думали в годы войны все вы – наши женщины у заводских станков, вы – осиротелые на целых четыре года ребятишки, вы – солдаты, в зябкий рассветный, перед штурмом, час!.. Только в песне всё уложено плотней, заключено в одном слове – Победа, – как отдельные росинки и дождевики сливаются в могучий таран океанской волны. Это песня о великой осуществлённой сказке, которая однажды пройдёт по земле прекрасным, в венчике из полевых цветов, ребёнком...»⁴⁹.

Именно таким поэтическим откликом воспринимаются взволнованные, ликующие строки А. Прокофьева:

Проходи в цветах, венках и флагах,
Мы – твои, великая, твои,
Так же, как поила нас отвагой,
Радостью священной напои!⁵⁰

«Утро Победы» назвал одно из стихотворений А. Сурков, создав обобщённый образ героя-бойца в первые дни мира, когда занялся новый солнечный день:

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежний певучий поток,

⁴⁹ Леонов Л. Собр. соч. В 10 тт. М., 1972. Т. 10. С. 136.

⁵⁰ Прокофьев А. Собр. соч. В 4 т.- М.: Худ.лит. 1979. Т. 2. С. 127.

И нагнулся солдат, и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок⁵¹.

«Утро Победы», как и Сурков, озаглавила своё написанное в первый день мира стихотворение Л. Татьяничева, выразив в нём характерное для всех современников ощущение радости обновления, устремлённость к свету.

Однако было бы неверным утверждать, что настроенные ликования стало ведущей тональностью послевоенной поэзии. Победа с крайней остротой открыла величие и невосполнимость утрат, которыми она была искуплена.

И всё же открытый оптимизм, праздничная приподнятость – характерные черты творчества тех лет. Таково звучание многих стихов Михаила Луконина, Сергея Гудзенко, Александра Яшина и других. И здесь нередко проступали готовые сюжеты, стёртые краски, избитые формы. Не случайно, анализируя поэзию 1946 года, К. Зелинский констатировал ослабление лирического начала, указывал на «гипертрофию внешней темы» у большинства авторов. Действительно, в произведениях, запечатлевших явления новой действительности, нередко давали себя знать описательность и ослабленность конфликтов, тяготение к привычным, удобным схемам и штампам.

Состоялись критические выступления по тому же поводу и в периферийной печати. В челябинской областной молодёжной газете с нелицеприятной критикой «литературных ветеранов», не создавших сколько-нибудь заметных книг, выступил журналист и писатель Михаил Аношкин. Вновь нашлись «неистовые ревнители» актуальности в литературе, преступно отторгавшие требова-

⁵¹ Сурков А. Собр. соч. М., 1978. Т. 1. С. 457.

ние идейности от художественной правды. В этой связи, в частности, Павел Бажов писал: «Краевые издательства Свердловское, Челябинское и Курганское «перепоняли» постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и склонны отвергать всякую работу, если она внешне не связана с современностью»⁵².

Все эти факты литературного движения близко коснулись Людмилы Константиновны Татьяничевой. Общегородское собрание писателей и литературного актива Челябинска, посвящённое обсуждению печально известного Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», подвергло резкой критике работу Челябинского отделения Союза писателей и его ответственного секретаря Л. Татьяничевой. Один из выступавших на собрании Т. Тюричев заявил: «Мне кажется, что в нашей организации творчество Татьяничевой может служить примером безыдейности и аполитичности. Недавно «Правда» справедливо и резко критиковала её стихотворение «Светарь» как пустое, альбомное произведение. Татьяничева не поняла своей ошибки и не сделала для себя соответствующих выводов»⁵³. Расценивать выступление Тюричева как сведение личных счётов было бы неверно.

4 сентября 1946 года на расширенном совещании поэт М. Львов тоже выступил с критикой в адрес Татьяничевой, «которая, не имея возможности прийти на собрание, не прислала хотя бы письменного выступления, ничем не выразила своего отношения к происходящим событиям и,

⁵² Цитируется по кн.: Батин М. Павел Бажов. – М.: Современник. 1976. С. 178.

⁵³ Литературная жизнь Челябинска // Литературная газета. 1946. 21 октября.

в частности, к Ахматовой, «ученицей» которой Татьяничева считала себя до сих пор»⁵⁴. Подводя в весьма категоричном тоне обсуждение Постановления ЦК ВКП(б), областная газета «Челябинский рабочий» объявила «бездейными и неправильными» произведения Татьяничевой, а вместе с ней и Львова, и Гольдберга, и Тюричева.

В поэзии Татьяничевой тех лет действительно были свои упущения и недостатки, но столь резкие суждения происходили не по этой причине, а вследствие признания ученичества у Ахматовой. Да, в отдельных стихах Татьяничевой действительно имели место прямая ориентация, подражание творческой манере Ахматовой. Заимствованы образы «суровой обители любви», «горького песенного бреда», «голодной печали», такие детали, как «трепет губ», «рот, не знающий признаний», «глиняный божок»; ощутима примесь нехарактерных для Татьяничевой «смирненных» интонаций. Но нельзя не видеть куда более важное: именно возникшая в ранней поэзии Татьяничевой сквозная тема любви-испытания заметно обогатила внутренний облик её лирической героини:

Я счастлива
Высоким горьким счастьем –
Неразделённой целостью любви.

или:

Хоть раз вздохнуть бы воздухом вершины,
Не страшен мне мучительный подъём.

и ещё:

Всё, что ты отнял, любимый,
Мир возвратит мне сторицей⁵⁵.

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Татьяничева Л.К. Из ранних стихов // Молодая гвардия. 1981. № 3. С. 10.

Способность нести тяжёлую «любовную память» во имя спасительного поэтического вдохновения заключали в себе стихи (особенно в «Белой стае») А. Ахматовой. «Одной надеждой меньше стало, Одной песней больше будет», – писала она.

У Татьяничевой характер и направленность самоотречения иные. Ей чуждо чувство одиночества, отрешённости от окружающих её людей: ради собственного участия в общей жизни, в общей борьбе за будущее она преодолевает личные испытания и потери, за что и воздаётся ей «сторицей». Тем не менее, сама по себе готовность пройти путь «мучительного подъёма» к «воздуху вершины» выражается в близкой Ахматовой страстно-напряжённой тональности.

В годы Великой Отечественной войны мотив предельного самоотвержения укрепляется и разрастается в поэзии Татьяничевой, потому что он воплощает общенародные переживания и свершения, мобилизацию души защитников Родины. Как известно, настроения такого характера выливалось во многие щемяще-искренние ахматовские строки: от ранней её «Молитвы» до произведений 1940-х годов, по форме восходящим к фольклорным жанрам причитания, заплачки.

У Татьяничевой свои представления о ценностях мира, тесно связанные с трудовыми процессами, с образом уральской земли, её сурового дореволюционного прошлого и военного настоящего. И понятие об испытаниях другое – не личной обездоленности, утраты своего ребёнка, друга, «таинственного песенного дара», а потерь на поле битвы, полной отдачи сил во фронтовом и трудовом подвиге. Но мера самоотречения не менее высока:

Прими мой дочерний поклон...
За русскую речь, за молитвы
Суровых прабабок моих
И даже за то, что средь битвы
Мой сын не остался в живых⁵⁶.

В период Великой Отечественной войны нельзя не заметить тяготение Татьянической ко многим, казалось бы, ахматовским мотивам: обездоленного детства, славы, для которой мёртвых нет, встречи с любимым, когда окончится бой и т.п. Произведения Ахматовой и Татьянической такого звучания создавались в одно время, поэтому не приходится говорить о наследовании традиций. Указать необходимо на перекличку характерных для обеих дум и переживаний.

В трудные военные годы формируются и взгляды Татьянической на искусство, творческое ремесло. В них многое заставляет снова вспомнить об опыте Ахматовой: стремление отдать песне полученные в тяжких испытаниях мужество, знания, ощущение боли рождения крылатого слова и одновременно спасительность служения ему. Однако у автора «Белой стаи» осмысление этой истины происходило совсем в другую эпоху. У Татьянической, отдающей свою Музу воюющей Родине, всё суровей, даже трагичнее, но и оптимистичнее:

Тебя я буду вновь и вновь
Лепить из слов и петь.
Будь не подкупна, как любовь
Идущего на смерть.

⁵⁶ Татьяническа Л.К. Верность. 1944. С. 34.

В стихотворении «Я стою под всевидящим небом» молодая поэтесса, не прося любви, признания, славы, определяет для себя «тяжёлый и длительный путь, Только б слово, поющее слово Сладкой болью проникло мне в грудь». Любое потрясение вызывает у автора страх потерять Песню. Но даже «безглазая мокрая тьма», «горестная страда» не пугают крылатую. Песня оборачивается дарующей душевную радость, живую воду возрождения. Без афиширования эмоций, со скромным достоинством и верой в лучшее преодолевает кризисные состояния души лирическая героиня Татьянической.

Стремление проникнуть в закономерности времени, жизни в целом через призму ищущей, предельно самоотверженной женской души привело Татьяническую к освоению поэтики, сопоставимой с ахматовской. Речь идёт о некоторых сходных особенностях их лирики. Среди них разные формы «самоиспепеляющей» исповеди, способность идти от частного, даже интимного признания к широким обобщениям, внешняя простота детали, сдержанность жеста, движения, бытовая конкретность образа при «мыслеёмкости» каждой строки, наконец, динамика нарастания к финалу стихотворения (вплоть до «открытых» концовок) смысловой их нагрузки:

Когда войдёшь ты в комнату мою,
Огнём великой битвы опалённый,
Не зарыдаю я, не запою,
Не закричу, не брошусь истушённо.
Я даже слов, возможно, не найду,
Заветных слов, что берегла годами,
А лишь, как на присяге, припаду
К руке твоей горячими губами⁵⁷.

⁵⁷ Татьяническая Л. К. Лирика. 1946. С. 60.

С нашей точки зрения, отнюдь не в переключке с Ахматовой, даже не в ориентации на её достижения источник некоторых сложностей, которые действительно переживала Татьяничева в послевоенное десятилетие.

К этому времени Татьяничева полноправно вошла в число активно и плодотворно работающих поэтов России. В октябре 1949 года прошло обсуждение стихов Татьяничевой в комиссии по работе с русскими писателями республик, областей и краёв в Союзе писателей СССР, в котором участвовали С. Васильев, В. Инбер, П. Шубин, П. Нилин, М. Львов и другие. В выступлениях П. Шубина, С. Васильева прозвучало немало критических замечаний в адрес Татьяничевой. Вера Инбер, согласившись с правильностью многих из них, отметила главные положительные качества уральской поэтессы – поэтизация труда, чувство композиции, хорошие, точные концовки её стихов.

В течение десятилетия вышло 7 поэтических книг Л. Татьяничевой, среди которых одна – «Родной Урал» – в московском издательстве «Советский писатель». К концу 1950-х годов Татьяничева завоёвывает заслуженное признание читателей, получает достаточно высокую оценку критиков и поэтов: рецензии М. Алексеева и В. Турбина в «Литературной газете», отзывы о стихах Татьяничевой П. Бажова, В. Фёдорова, В. Инбер. Интересна в этой связи запись в дневнике Б. Пастернака, строгого ценителя формы стихов: «Вот попались стихи из Челябинска. Кажется, Татьяничева. Очень в форме сделано, ничего лишнего. Мне нравится такая каллиграфия»⁵⁸.

⁵⁸ Литературная Грузия. 1979. № 4. С. 140.

Людмиле Татьяничевой не пришлось испытывать трудности расставания с военной темой, трудности перехода к «прозе будней», потому что и в военные годы её стихи прославляли героинку труда. Это отнюдь не означает, что трагический опыт войны прошёл для неё бесследно, напротив, к нему с годами всё чаще будет обращаться поэтесса, не изменяя, однако, мужественности и стойкости своей лирической героини, которую опыт грозных лет не сломил, а закалил. В стихотворении «Памяти друга» читаем:

... И если я от горя не ослепла
В тот страшный год, когда сгушалась мгла,
То потому что не пригоршню пепла,
А весь твой мир я обрести смогла.
Мир неуюта, поисков, движенья,
Отвесных скал, неназванных высот.
Тревожный мир, где слово «достиженье»
Звучит лишь как стремление вперёд⁵⁹.

В эти годы в поэзии Татьяничевой происходит окончательное становление её героя, определяющие черты характера которого: высокая гуманность, гражданственность и трепетный поиск каких-то потаённых, «неуютных», но высших ценностей. Свойственная ранее суровая, мужественная интонация обогатится настроением взволнованности, трепетности эмоций и самоуглубления. Не все стихи написаны на таком уровне, но к нему, безусловно, стремился их автор.

Углубление внутреннего мира лирического героя Татьяничевой диктовало необходимость пересмотреть некоторые устаревшие каноны рабочей поэзии, найти в так

⁵⁹ Татьяничева Л. К. Отчий дом. Стихи. – Челябинск. 1948. С. 49.

называемых «производственных» интересах новые, глубоко личные и временем заострённые мотивы. Но поэтессе порой мешала поверхностная риторика.

Определённые достижения и неудачи на этом пути проявились в сборниках «Отчий дом» (1948) и «День рождения» (1949). В них как бы воплотились две противоположные тенденции развития лирики Татьянической. С одной стороны, это поиски «сокровенного слова», проникновенных интонаций в раскрытии внутреннего мира героев-современников, с другой – попытка освоения нового качества, нового для поэтессы эпического способа обобщения. Так появляется целый ряд произведений, в которых отчётливо проявились досадная повествовательность, очерковость: рассказы в стихах «Иван Черныш», «Снова в цехе», большие стихотворения с развёрнутым сюжетом, названные «маленькими поэмами» – «День рождения», «Твоя мечта».

Лирику по природе своего таланта, Татьянической не давалась эпическая форма, недоставало масштабности поэтических обобщений. Несмотря на то, что в стихах есть отдельно точные эмоционально-психологические детали, в целом опыт оказался неудачным. В этих произведениях, а еще в большей степени в стихотворных хрониках, написанных в соавторстве с А. Гольдбергом («Золотые руки», «На воскреснике», «На уральской земле»), явно проступал «опробированный ассортимент литературных средств», «стереотипный язык» – все, против чего неоднократно выступала сама Татьяническая, и как следствие – упрощенность, искажение правды характеров.

Так, например, стремление вновь включиться в социалистическое соревнование помогает герою лирической хроники «Однажды весной»... преодолеть тяжёлый недуг. Мечта приземлена, автор становится на позиции морализаторства. В абсолютизации формулы-тезиса «труд – это счастье» таилась известная опасность. Духовный мир героев-современников, ограниченный только беззаветной влюблённостью в свой труд, неизбежно представлялся искусственно выпрямленным и потому обедненным («После смены», «Артист», «Любимый труд»).

Эти и подобные им стихи, собранные в сборнике «Утро в новом городе» (1952), свидетельствовали об ошибочном направлении поисков Татьянической. Нет, она не ограничивается изображением процесса труда, хотя в новом городе (Магнитогорске, ему посвящен сборник) плавится металл, строятся корпуса цехов, жилые дома. Эти стихи не назовёшь рационалистичными, но палитра сборника бедна оттенками, нюансами: среди эмоций доминирует, по сути, одна – поверхностно-оптимистическая.

«Близок день, когда у нас не будет трудных судеб, сломанных семей», – декларирует автор, в то время, как их (трудных судеб) уже нет на страницах сборника. Далее традиционный вопрос «о свойствах страсти» в «новом городе» фактически снят с повестки дня: бесспорные преимущества в любви у того, чьё рабочее мастерство отмечено людьми и родиной («Невеста», «О любви»).

Совершенно очевидно стремление автора сообщить явлениям заводской жизни эмоциональную окраску. Поэтессе радуют и волнуют голоса заводских гудков («Гудки»), она умеет в цеховом гуле различать «тончайшие оттенки» («Музыка»). Мартеновский цех, где рож-

дается сталь, предстаёт перед нами «в летучей пыли звездопада», «в могучем оцепленье конструкций стальных, сквозящих в выси соколиной».

Л. Татьянической и биографически и творчески близка тема созидания. Во второй половине 50-х годов рецензентом «Литературной газеты» было справедливо отмечено, что «труд определяет не сюжеты, а мир её поэзии. «Скрытый пафос этой поэзии – в преображении жизни». Здесь истоки её образности. Человеческий труд, его добрая творящая сила всегда остаётся центром поэтической системы Татьянической. Он главенствует, определяя специфическое преломление образов природы, даже космоса, если не подчинённых, то по-доброму заинтересованных в делах человеческих. Однако далеко не сразу такое сложное, философское истолкование темы труда «подчинилось» поэтическому вдохновению Татьянической. Был допущен ряд наивных или натянутых решений.

Сосну и выросшую рядом с ней домну объединяет поэтическое сопоставление: «Сосна к подножью домны встала И загляделась на завод». Вечерняя звезда опускается на балкон нового дома, который ещё «лесами заштрихован», чтобы поближе посмотреть, «как на земле дела» («Сосна», «На стройке»). Человеческая мечта («В тундре») измеряется способностью совершить чудо – построить солнечный город на вечной мерзлоте. Величие любви выверяется сходным дерзанием – вырастить вишнёвый сад ценой упорного труда в краю полярных выюг («Вишнёвый сад»). Радости и тревоги материнства, в понимании Татьянической, также неотрывно связаны с этим главным мотивом жизни – деяния. Мать в палатке поёт сыну колыбельную: «Чтоб в тепле сыночку спать, надо город воздвигать».

С нашей точки зрения, спасительным для поэтессы поворотом стало новое, поэтически обобщённое осмысление легендарной Магнитки в стихах «Мой город», «Когда-то в тридцатом, в начале», «Магнит-гора»:

А заря-то, какая заря,
Словно в небе зажжен костёр!
Кто сказал, что Магнит-гора
Будто ниже Памирских гор?
Не по уровню зыби морской
Я отсчёт высоты веду,
По высокой мысли людской,
По движенью вперёд, по труду⁶⁰.

Магнит-гора осмысливается поэтессой как своеобразный символ, критерий духовного подъёма, достижимого только ценой вдохновенной творческой самоотдачи. Образ пылающего «костра зари» сообщает оттенок предельного горения души. Так постепенно созрел поиск, ведущий к философскому расширению темы труда.

Татьяничева стремится найти адекватные красоте мира краски для передачи коренных изменений действительности, происходящих буквально на глазах. Возникает характерный тип композиции её стихов – противопоставление прошлого и настоящего, в котором угадываются черты грядущих свершений («Глухомань», «Тобол», «В нашем краю»):

Ещё недавно тишина
Пластом нетронутым лежала,
Движенья жизни лишена,
Она безмолвьем устрашала.

⁶⁰ Татьяничева Л.К. Родной Урал. Стихи. – М.: Сов. писатель. 1950. С. 9.

Пустынное безмолвие взорвано сплавом радостных звуков:

И детский крик и птичий гвалт
Слились с немолчным разговором
Трудолюбивых тракторов...

В самой композиции стиха подчёркнуто противопоставление «неподвижной тишине» многоголосия, многозвучия «созидательных работ». Поэтессе отрадно видеть, как меняется «наш домотканый серенький пейзаж». В контексте пятидесятых под тишиной и покоем Татьяничева подразумевает застой, безжизненность. Отсюда несколько максималистский вывод:

Ещё десяток лет пройдёт –
Не станет места в нашем мире
Для неподвижной тишины,
Для обомшелого покоя –
Ни в области сплошного зноя,
Ни в крае вечной мерзлоты⁶¹.

И вот пройдёт 30 лет, и Татьяничева снова напишет «Стихи о Тишине», где пройдёт переосмысления самого понятия: Тишина станет символом мира. Поэтесса вдохнёт в отвлечённое понятие поэзию эмоций, средствами художественного вымысла сделает её выразительной. А в те, пятидесятые, наиболее интересный и плодотворный поиск был предпринят Татьяничевой в стихах-размышлениях о труде как высоком мастерстве, в котором проявляются незаурядные духовные потенции творческой личности, стирающей грань между мастерством и подлинным искусством. В таких произведениях, как «Каслин-

⁶¹ Там же. С. 16-17.

ское литьё», «Прославлены умельцы-камнерезы», наметился верный подход к философскому осмыслению труда как деятельности, в которой запечатлелись вековые традиции, этический и эстетический опыт народа, его представления о Прекрасном и животрепещущая новь современных поэтессе достижений. Такое направление творческих устремлений Татьяничевой в значительной степени обусловлено сильным и благотворным влиянием произведений и самой личности самобытного уральского художника – Павла Петровича Бажова.

НЕОБЩИХ ЧЕРТ ЖИВОЕ ВЫРАЖЕНЬЕ

ГЛАВА IV. НЕОБЩИХ ЧЕРТ ЖИВОЕ ВЫРАЖЕНЬЕ

Постановка вопроса о творческой общности Павла Бажова и Людмилы Татьяничевой при столь несхожей манере письма обоих художников, при столь существенной разнице их жанровых пристрастий, как сказ и лирическое стихотворение, на первый взгляд, может быть оправдана разве что соображениями географического порядка, а между тем связь здесь глубокая, прочная, органичная.

Личное знакомство Татьяничевой с Бажовым произошло весной 1929 года. Встреча со сказочным стариком, оказавшимся отцом одноклассника Татьяничевой Алёши, оставила неизгладимое впечатление в памяти поэтессы. Спустя много лет она вспоминает: «Окна одноэтажного дома, в котором жила семья Бажовых, были широко открыты. В одном из них я увидела удивительное лицо сказочного старика. Впрочем, глаза его светились удивительно молодо – открытые, горячие, с доброй лукавинкой. А стариком он показался потому, что лицо его пряталось в широкой волнистой бороде, какой я ни разу ни у кого не видела... Разве я могла предположить, что пройдут годы, и я встречу с Павлом Петровичем как с известнейшим писателем, и что его «малахитовая шкатулка» станет одной из самых дорогих для меня книг, дивом дивным, кладом мудрости и поэзии. И что судьба подарит мне потом

незабываемые беседы, каждая из которых запомнится как событие...»⁶².

Между той, поразившей воображение девочки встречей и многолетней творческой и человеческой дружбой ответственного секретаря Союза писателей поэтессы Л. Татьяничевой и руководителя писательской организации Урала, самобытнейшего уральского сказочника П. Бажова пролегли два десятилетия, насыщенные творческими поисками и обретениями в судьбе обоих художников.

К началу 1940-х годов уральские сказы получили заслуженную известность и всенародное признание. Это позволило поэту А. Суркову, выступавшему на II Всесоюзном съезде советских писателей, заявить: «И как бы мы ни были щедры на похвалы новаторским достижениям писателей, прокладывающим дорогу мощной поэзии трудного героизма, властно звучащей в реальной жизни, мы всё-таки должны будем признать, что с наибольшей поэтической силой радость творческого труда прозвучала в уральских сказках Бажова...»⁶³.

И действительно, автору «Малахитовой шкатулки» и «Живинки в деле» принадлежит заслуга удивительно своеобразного и глубокого раскрытия философии труда, его морально-этического, эстетического содержания. Обращаясь к далёкому и недавнему прошлому, П. Бажов сумел дать возможность нашим современникам «перемолвиться запросто» со своими предшественниками – людьми труда. И эта линия духовной преемственности поколений

⁶² Татьяничева Л. Слово о мастере несравненном // Челябинский рабочий. 1979. 21 января.

⁶³ Второй Всесоюзный съезд писателей. Стенографический отчёт. – Гослитиздат. 1966. С. 26.

оказалась особенно созвучна нравственным исканиям литераторов послевоенных десятилетий.

Огромная популярность сказов Бажова объясняется их подлинной народностью, заключающейся не столько в широком использовании лексики, фразеологии, фабульных конструкций уральского фольклора, а прежде всего в органичном выражении народного восприятия действительности, поэтизации труда как основополагающего нравственного начала жизни.

Подобная установка на философию и эстетику народной поэзии была близка и Людмиле Татьяничевой. Возникшая на этой почве переключка способствовала органическому и плодотворному усвоению молодой поэтессой, разумеется, в присущих ей образах и формах, уроков уральского Мастера. Здесь уместно привести высказывание Евгения Пермяка: «Читая далёкие от жанра сказа короткие стихотворения Людмилы Татьяничевой, я почему-то часто слышу в них созвучия с Бажовым. Не отзвуки, не вторичность, ни тем более заимствования, а именно – созвучия, в глубоком понимании этого слова. Любовь к родному краю. Прославление труда. Гордость и честь рабочего человека. Верность долгу. Целомудрие. Неуспокоенность исканий и стремлений. Стойкость. Дух времени»⁶⁴.

Павел Петрович Бажов был для уральских литераторов своеобразным «притягательным центром», человеком, с которым, как вспоминает Татьяничева, было «надёжно и высокогорно». Весной 1945 года он приезжал в Челябинск на областную писательскую конференцию. Проникновенная речь Бажова о неисчерпаемой теме труда, о худо-

⁶⁴ Пермяк Е. Долговекий мастер. – М.: Детская литература. 1978. С. 180.

жественном мастерстве надолго запомнилась молодым литераторам: «Леность убивает талант, а трудолюбие удесятеряет его силу и возможности», – говорил Бажов, ценивший в собратях по перу неспешный, многолетний трудпоиск незаемных форм отражения современности. Людмиле Татьяничевой, в частности, Бажов не рекомендовал торопиться с поэмой о Магнитке, замысел которой она тогда вынашивала: «Материал накапливайте, а за перо браться не спешите. Вполне может оказаться, что этот жанр не ваш». Более того, точно уловив наиболее сильную сторону дарования Татьяничевой, он настойчиво советовал ей основательно и надёжно «обживать» малые площадки лирических стихотворений»⁶⁵.

Для Татьяничевой, чей поэтический голос, славящий героев труда и тыла, в полную силу зазвучал в годы Великой Отечественной войны, чью поэзию питали животворные соки фольклора горнозаводского Урала и рабочей поэзии легендарной Магнитки, глубоко естественной и необходимой стала тема трудового мастерства. И многие поэтические открытия Татьяничевой в этой области вдохновлены Павлом Бажовым.

У Бажова есть сказ «Иванко Крылатко» о златоустовском пареньке, сумевшем в рисовке на булатной стали сделать живыми двух крылатых коней. В другом сказе – «Чугунная бабушка» – повествуется о замечательных художниках-самородках, каслинских мастерах по чугунному литью. Талантливые народные умельцы, по мысли писателя, черпают материал из живой действительности, из

⁶⁵ Татьяничева Л.К. Слово о мастере несравненном // Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове. М., 1978. С. 137.

понятного, знакомого, родного, но силой душевного волнения, любви, полёта фантазии и красоты одухотворяют, пересоздают его. Здесь начинается искусство, окрылённое и бессмертное. Именно так воспринимается стихотворение Татьяничевой «Каслинское литьё»:

Невзрачный, как простой валун,
Равняться с бронзой он не может,
Но если мастер сердце вложит,
Сравнится с золотом чугуна.
Возьми фигурку на ладонь –
Она из чугуна отлита.
Не твой ли быстрокрылый конь
Вздывает звонкие копыта?
Не ты ли рвёшься сквозь огонь
С врагами грозными сразиться?
Не твой ли путь запечатлён
Рукой кудесника-каслинца?⁶⁶

Мастер вкладывает сердце, живую душу в свою работу (вот она, народная трудовая этика!), только тогда его труд превращается в искусство, тогда в нём звучит истинная поэзия. (Неслучайна ассоциация в этом стихотворении, как и в бажовском сказе, с крылатым конём Пегасом). Эмоциональному строю стиха сообщается романтическая приподнятость, создаваемая повторами синтаксических фигур, взволнованных риторических вопросов, анафорами. Они призваны выразить то взволнованное, трепетное восприятие жизни и искусства, которое объединяет каслинского мастера и поэта.

⁶⁶ Татьяничева Л.К. Отчий дом. 1948. С. 9.

В другом стихотворении – «Прославлены умельцы-камнерезы» – поэтесса, сознательно использует структуры, характерные для высокой одической поэзии, стремится передать свой восторг и священное преклонение перед «кудесниками», «хранителями волшебного огня» – народного искусства:

Прославлены умельцы-камнерезы,
Хранители волшебного огня,
Чеканщики по стали и железу –
Уральцев знаменитая семья.
Да славятся седые рудознатцы –
Пытливый, неуступчивый народ,
Умеющий без карты разобраться
В подземных дебрях каменных пород.
Почёт и слава вам, мастеровые:
Горняк, строитель, токарь, сталевар –
Сыны труда, чьи руки золотые
Подняли и прославили Урал⁶⁷.

Несомненный и главный источник подлинного мастерства и искусства поэтесса видит в творческом труде. «Бажов не раз высказывал мысль, – вспоминает Татьяничева, – что поиски красоты обязательно приведут к постижению творческой сути труда и к дерзновенным поискам открытий»⁶⁸.

В лирических миниатюрах Татьяничевой дорога нацеленность на художественное воплощение идеи связи времён, преемственности поколений, наследования таланта и славы уральских умельцев горняками, строителями и

⁶⁷ Там же. С. 8.

⁶⁸ Мастер, мудрец, сказочник. 1978. С. 137.

сталеварами Урала сегодняшнего. В этом плане показательно стихотворение «Синегорье».

Оно неоднократно подвергалось авторской переработке, что свидетельствует о придаваемом ему автором большом значении. При сравнении редакций обращает внимание стремление автора к концентрированности мысли («мыслеёмкости», пользуясь терминологией поэтессы). Для неё принципиально важной стала замена эпитета «золотой» в первой строке на почти оксюморон «молодой Урал». В поздних редакциях она стремится к более высокой степени обобщения, ищет способы привлечения читателя к сопереживанию, так появляются формы побудительного наклонения (поспеши, отыщи). Избавляясь от многословия, поэтесса движет мысль к логическому её завершению: главная примета Урала – рабочий человек, хозяин и создатель:

Есть у нас на молодом Урале
Синегорье.
Может быть, бывали?
Звонкий бор и летом и зимой
Изукрашен хвойной бахромой,
Синельга синеет между гор –
Чей угодно очарует взор.
Только я признаюсь,
Что не это
Синегорья главная примета...
Если ты придёшь сюда впервые,
Поспеши на вышки буровые,
Отыщи нетронутые руды
И земные звёзды –

Изумруды,
Или в цехе, принимая смену,
В красный глаз заглядывай мартену.
На лесах, в цехах или в забое
Мастерством поделится с тобою
Здесьшний житель
И умелец местный,
Человек на весь Урал известный,
Металлург, геолог и охотник –
Синих гор хозяин и работник!⁶⁹

Красота человеческого деяния здесь не противопоставлены красоте мира природы, они слиты. Эта мысль прочитывается в параллелизме образов: в первой части – сказочная Синельга, чарующая взоры, во второй – хозяин синих гор, умелец местный – и в поиске поэтических определений человеческого труда: одноглазый мартен в своём огне переплавляет «нетронутые» руды этого древнего, полного легенд края.

В стихах-размышлениях о тружениках-творцах неизбежно возникает тема искусства. Здесь одно из наиболее характерных – стихотворение «Это было» (в более поздних редакциях оно получило название «Уральский виноград»).

Уже первые строки стихотворения – «Барский дом, окованный железом, кружево чугунное оград» – рождает ассоциации с искусством замечательных мастеров литья. Стихотворение имеет событийную канву: барин приказывает уральскому мастеру вырезать из камня солнцем зали-

⁶⁹ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. 1976. Т. 2. С. 13.

тую виноградную гроздь. Умелец же вырезает из рубинов и гранатов гроздь родной рябины...

В стихотворении «Чеканщик» лирический сюжет снова связан с той областью мироотражения, которой был посвящён «Уральский виноград». Иначе говоря, в целом ряде стихов проявился один, общий плодотворный поиск.

Передаёт литейщик чугуны
Пластичность форм, стремительность движенья,
Но лишь чеканщик может дать ему
Необщих черт живое выраженье.
Чтоб в чугуне однажды ощутил
Ты теплоту пульсирующей крови.
Искусный мастер, не жалея сил,
С литья снимает лишние покровы.
Чеканом оживляет он черты,
Отлитые литейщиком в металле,
Чтоб красоту живой его мечты
Мы в каслинской скульптуре увидали⁷⁰.

В содружестве литейщика и чеканщика, утверждаемом в стихотворении, критик В. Турбин справедливо усмотрел образную формулу, выражающую «существенную черту реализма». Только искусная чеканка, будь то каслинская скульптура или поэтическое произведение, способна придать «необщих черт живое выраженье», сообщить притягательную силу и обаяние подлинной жизни, дать возможность увидеть «красоту живой мечты» художника...

С годами всё более строгим и взыскательным становится подход поэтессы к проблемам мастерства, причём в

⁷⁰ Татьяничева Л.К. Родной Урал. 1950. С. 71.

размышлениях о трудовом мастерстве совершенно органично, как равноправная присутствует тема мастерства поэтического. В середине 50-х годов в ряд с уже известными становятся стихи «Труднее пишется с годами» и «Кристалл». Последнее Татьяничева посвящает Павлу Петровичу Бажову.

Мне говорил волшебник строгий,
Знаток людей, деревьев, руд,
Что из гранильщиков немногим
Дают бесценный изумруд.
Ведь неискусными руками
Не снимешь тусклой пелены
И не отроешь в скрытом камне
Морской бездонной глубины.
Но мало одного уменя:
Гранильщик то же, что поэт.
Без мастерства,
без вдохновенья
Не засверкает самоцвет⁷¹.

Мысль как будто знакомая по предшествующим произведениям Татьяничевой, но и значительно обогащённая – прежде всего найденными ёмкими образами «морской бездонной глубины» «в скрытом камне», самоцвете «под тусклой пеленой». Речь идёт не столько о характере искусства, сколько о дивной красоте и тайне реального мира, которая даётся избранным, способным заставить сверкать самоцвет, то есть способным приобщить людей к подлинной красоте бытия. Мучительный поиск и радость свершений творческого труда – не в них ли глав-

⁷¹ Татьяничева Л.К. Лирика. 1955. С. 59.

ный урок уральского Мастерства, Мудреца, Сказочника! «Тайна раскрытия каменного цветка мне представляется не менее значительной и удивительной, нежели тайна раскрытия цветка живого, ибо эта тайна подчинена извечным законам бытия, а первая обязана трудовому подвигу мастера⁷²», – писала Татьянаичева.

Открытие Прекрасного как высшая форма служения человечеству – такое обобщение было созвучно и другим поэтам эпохи. Вспоминается замечательный образ Л. Мартынова: прикосновение к струнам лиры «пальцев, трепетных от вдохновенья», свершает чудо:

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человечеству хочется песен⁷³.

Утверждением счастливого, избраннического права художника заново открывать мир исполнены отрывки В. Фёдорова:

Казалось,
Всё, что есть под небесами,
Я должен был
Обжить и обогреть...
Как хорошо
Однажды посмотреть
На старый мир
Таковыми вот глазами!⁷⁴

⁷² Мастер, мудрец, сказочник. 1978. С. 137.

⁷³ Мартынов Л. Собр. соч. В 3 т. – М.: Худ. лит. 1975. Т. 1. С. 136.

Перекликаются с «Кристаллом» чеканные, суровые строки А. Твардовского, адресованные братьям по перу:

Верно, горшки обжигают не боги,
Но обжигают их – мастера!⁷⁵

К концу 50-х годов желание подытожить пережитый опыт влечёт за собой обращение Татьянической к теме поэзии с новых позиций:

Труднее пишется с годами.
Никак себе не угодишь.
Над испещрёнными листами
Порою до светла сидишь.
Не то.

Не так.

И вновь черкаешь.

И снова льнёт к перу рука⁷⁶.

Усечённые синтаксические конструкции внутри предпоследней строки, создающие иллюзию прерывистого от волнения дыхания, анафора на стыке строк («И вновь черкаешь. И снова льнёшь...»), наконец, такая говорящая деталь, как испещрённые, исчерканные листы, – всё придаёт эмоциональную насыщенность размышлению Татьянической о сложностях свершения. Всё более самокритично отношение к своему труду, а главное, он теснее соотносится с мыслью о человеке, его счастье.

Сходную по беспощадной взыскательности к себе трактовку творческого процесса (работы над поэтической строкой) находим в стихотворении Маргариты Алигер «За какие такие грехи...»:

⁷⁴ Федоров В. Т. 1. С. 124.

⁷⁵ Твардовский А. Собр.соч. В 6 т. М. 1978. Т. 3. С. 115.

⁷⁶ Татьяническая. Лирика. 1955. С. 57.

Отдаю ей всё больше.
От обиды старею над ней.
Всё не то, не к тому, не туда...⁷⁷

Однако у Алигер затронута куда более локальная тема – ощущения творческих возможностей и трудности их реализации.

Мысль о неоплаченном долге перед людьми и временем, сомнениями в своих силах, страхом обмануть ожидания казнится герой Твардовского в стихотворении «Ни ночи нету мне, ни дня...». Неожиданный финал обнажает главный, скрытый доселе, нерв предпринятого поиска: творческие муки – это и есть счастье.

За что же мне такой удел,
Вся жизнь – из суток в сутки?..
... А что ж ты, собственно, хотел?
Ты думал: счастье – шутки?⁷⁸

Финал стихотворенья Татьяничевой, напротив, носит открыто публицистический характер. Для неё в поэзии – накопление и отдача людям личного опыта, потому муки венчаются успехом:

Ведь всё, что создано тобой,
Всё лучшее в твоей судьбе,
Весь путь борьбы от боя к бою
Помогут в поисках тебе.
Пройдут не дни, быть может, годы,
Пока закончишь ты свой труд
И передашь его народу
На строгий и нескорый суд⁷⁹.

⁷⁷ Алигер М. Стихи и проза. В 2 т. М.: Худ. лит. 1975. Т. 1. С. 203.

⁷⁸ Твардовский А. 1978. С. 77.

Думается, неслучайно столь актуальной становится эта тема в литературе конца 50-х годов. Сборник «Лирика» (1955) открывается стихотворением «О хлебе», построенным на воспоминаниях о своём детстве, совпавшим с тяжёлыми испытаниями гражданской войны. Поэтесса обращается к «заметам сердца», ищет детали, зримо их отражающие, постигает логику взаимоотношения между психологическими реалиями и широким планом исторической действительности. Безусловно, это много более плодотворное направление, нежели неудавшаяся попытка сюжетно-эпического обобщения.

Не даль морская,
и не в звёздах небо,
И не цветы земли моей родной,
Мне в детстве снилась лишь краюха хлеба,
Простого хлеба из муки ржаной.
...Двадцатый год...

Потоптанное жито.
Бандитских орд кровавые следы...
Я, как другие, ела не досыта
Тяжёлый хлеб из горькой лебеды.
Тогда ещё я вряд ли понимала,
Понять такое может только мать,
Как тяжело страна моя страдала,
Не в силах детям даже хлеба дать...⁸⁰

Внимание сразу приковывает к себе реалистическая точность скупого и лаконичного штриха, одухотворённость стиха сильным авторским переживанием, открыто

⁷⁹ Татьяначева Л.К. Лирика. 1955. С. 57.

⁸⁰ Там же. С. 3.

прерывающимся лишь в афористической концовке. Наконец, многозначность мысли о закономерности таких переживаний, рождённых общенародными испытаниями, и, одновременно, – о несовместимости поры детства с «кровавыми следами бандитских орд». Поворот, найденный здесь – через чувственно-конкретную деталь передать состояние души двух возрастов, двух эпох, – оказался продуктивным для последующего творчества

В стихотворении «Мы ждали снега» образом, который становится выразительной основой картины, несёт нагрузку подтекстового обобщения, диктует внутреннее развитие всего произведения, избран снег (он тоже вынесен в заглавие стихотворения):

Лежала степь под коркой льда:
Ни охнуть, ни вздохнуть.
Вбивали клинья холода
В её живую грудь.

Троекратный повтор строки «Мы ждали снега» нагнетает это настроение. Как радостный вздох облегчения звучит последняя строфа:

И отогрелась наша рожь,
Хотя мороз окреп.
А снег?
Он сделался похож
На белый пышный хлеб.

Благодаря поэтическому переосмыслению прозаических понятий: снег, лёд, холод и др. – органически достигается общая светлая тональность, красочность стихотворения.

Наряду с явными достижениями Татьяничевой второй половины 50-х годов, в рецензиях справедливо отмечалась излишняя склонность поэтессы к самокомментариям. «Поэтический образ ей, по-видимому, кажется недостаточно убедительным, – читаем в критических заметках М. Алексеева, – она дополняет его рассуждениями, порой наивными, как ненужная мораль в басне»⁸¹. С этим нельзя не согласиться, но считаем необходимым отметить, что самые эти недостатки возникают из принципиальной, хотя излишне категоричной установки поэтессы: обрести обязательную гармонию всегда и везде. Вот почему появляется желание преодолеть противоречия, найти истоки силы извне. Даже стихотворение «Кристалл» поэтесса считает необходимым завершить следующим образом:

Кто хочет, чтоб звездой лучистой
Зелёный камень заблистал,
Тот должен быть кристально-чистым,
Прямым и твёрдым, как кристалл.

Особо ощутимо это качество проявилось в патриотической лирике. Можно сказать, что в отдельных патриотических стихах Татьяничевой организующим выступает начало декламационное, риторическое. Маршевый характер ритма, элементы лозунгового призыва, трибунной, агитационной патетики наиболее характерны для произведений этой темы («Свою Отчизну я не дам в обиду» и др.) Татьяничева стремится слить понятия «я» и «мы», но часто вступает на путь сухо декларационных, не прочувствованных в глубине сердца истин. В значительной степе-

⁸¹ Алексеев М. Лирика Людмилы Татьяничевой / Литературная газета. 1956. 11 августа.

ни преодолеть этот недостаток позволяет обращение к конкретике исторического движения России, отражённой сквозь призму личных впечатлений. Таковы стихи «Хорошая примета», «Тётя Настя», «Хлеб», «Глиняные куклы» и др.

Черты сурового времени отчётливо проступают в конкретно-бытовых деталях стихотворения «Глиняные куклы», прочитанного Верой Инбер с трибуны III съезда советских писателей:

В смешных рубашках из холстины
Навырост сшитых нам до пят,
Лепили мы из жёлтой глины
Забавных маленьких кукулят.
А хлеб –
Он был лишь у немногих.
Разруха.
Голод.
Нищий быт...

У наших кукол тонконогих
Был непомерный аппетит.
И мы на них ворчали:
– Дуры,
Чем вас кормить, в конце концов?!
...Лепили детство мы с природы,
Не зная лучших образцов⁸².

Стихотворение во многом выражает неброское очарование поэтического слова Татьяничевой: временную и социальную конкретизацию, реалистическую точность определений, психологическую верность локальных сцен,

⁸² Татьяничева Л.К. Стихи. Челябинск. 1958. С. 15-16.

афористичность концовки. Нередко Татьяничева мастерски передаёт за внешне комическими элементами драматизм, даже трагизм большого накала. Это достигается изображением эпохи с точки зрения наивной и трогательной в своей незащищенности детской души. Реакция ребёнка вызывает улыбку, истоки такой реакции – боль, страдание.

В основе большинства стихотворений Татьяничевой, посвящённых прошлому нашей страны, запоминающаяся черта духовного облика героя или героев, зримо передающая бытовую атмосферу эпохи и одновременно символизирующая их сущность.

Стихотворение «Сахар» начинается и кончается ликующими, раскованными строками:

Ах, что за кони,
Песня – кони,
Краса колхозного двора!
Пилёным сахаром с ладони
Их угощает детвора⁸³,

а по контрасту, в средней части – воспоминания матери о военном лихолетье, когда малыши вообще не знали, что такое сладкое.

В «Минных полях» заглавный образ ёмок, он включает в себя и воспоминания о прошедшей войне, и предостережение от новой, и ассоциацию людской памяти с минными полями, и призыв к человечности и милосердию:

Прозрачны дали.
И ветра спокойны.
От ржавых мин очищена земля.

⁸³ Там же. С. 32.

Но, отступая, оставляют войны
Воспоминаний минные поля.
В людских сердцах лежат они незримо.
Их не найдёт искуснейший минёр.
В них скрыта боль о близких и любимых,
О муках,
Не забытых до сих пор.
Как много нужно приложить стараний,
Как надо нам друг другом дорожить,
Чтоб обезболить боль воспоминаний
И память о погибших сохранить!⁸⁴

Иное звучание имеют стихи «Вдали от синих гор Урала», отмеченные лаконичностью рисунка, сдержанностью выражения чувств и глубиной мысли. Она в каждой, как будто информационной, строке приобретает обилие смысловых оттенков, благодаря мастерскому использованию ключевых слов:

Вдали от синих гор Урала,
В руках сжимая автомат,
Спокойно смотрит с пьедестала
От солнца бронзовый солдат.
Он дышит вольным ветром жизни,
Над ним не кружит воронья.
Не клялся он в любви к Отчизне,
Он просто умер за неё!⁸⁵

Безусловно, этот тип миниатюр с планом богатейших обобщений – большое творческое завоевание поэтессы.

⁸⁴ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. М., 1976. Т. 1. С. 26.

⁸⁵ Татьяничева Л.К. Стихи. 1958. С. 24.

Особо следует остановиться на качественно новых тенденциях, проявившихся в поэзии Татьянической второй половины 50-х годов. Это проникновенно звучащие «осенние» мотивы, связанные с первым подведением итогов собственной жизни, с постижением смысла человеческого существования. Столь естественное стремление подсказано внутренним настроением лирической героини, поэтому так раздумчивы интонации, так неповторим и пристален авторский взгляд, направленный вглубь своей души и к существенным проявлениям мира в целом. Такой путь обобщений оказался более органичным для Татьянической. В 50-е годы он дал воистину удачные произведения: «Осень из цветного рукава», «Совсем как в юности, тревожит», «Длиннее дни. Прозрачней дали», «В немолчном гуле торопливых лет».

В немолчном гуле торопливых лет
Я жёлтых листьев уловила шорох.
Уж не пожар,
А только рдяный всполох
Мне обещает медленный рассвет.
Но возрасту не сдамся я на милость.
Года – не сумма однозначных чисел.
Да разве кровь во мне остановилась,
Иссякли чувства,
Оскудела мысль,
И разве сердце не полно отваги
Иль не по силам стал желанный труд,
А майских рощ развёрнутые флаги
Меня, как прежде, разве не зовут?⁸⁶

⁸⁶ Там же. С. 47.

Доверительной и взволнованной интонацией, тонким пониманием человека, его связей с жизнью, природой, психологической точностью и лаконизмом выражения душевных движений отмечены эти лирические миниатюры. В них мастерски донесено ощущение быстротечности бытия, сомнения в достижимости стремлений и идеалов, а отсюда – с каждым годом возрастающая жажда обрести новые пути, чтоб спеть свою лучшую песню:

Совсем как в юности, тревожит
Меня простор родных полей.
И день, что мной ещё не прожит,
Мне дня минувшего милей.
Не потому ль, что в час рассвета
Лучами кажутся пути,
Что песня лучшая не спета
И жизнь, как прежде, впереди?⁸⁷

Можно с уверенностью сказать, что в этих стихах сложилась завязь философских медитаций зрелой Татьяничей. Но особый по чистоте пропорций, плавности переходов (светлая грусть не мешает проявиться вере в себя, в своё будущее), пастельности красок колорит этих строк – характерное достижение 50-х годов. Этот жанр, широко и разнообразно представленный в поэзии 70-х, определился именно в тот период. Совмещение этих этапов, когда «век на переломе» и человеческая жизнь в зените, на самом высоком перевале, открыло воистину необъятные перспективы для поэтического зрения, о чём убедительно свидетельствовали произведения Н. Заболоцкого, Я. Смелякова, Л. Мартынова. Например, «Удача» последнего:

⁸⁷ Там же. С. 56.

Жизнь моя всё короче, короче.
Смерть моя всё ближе и ближе.
Или стал я поэтому зорче,
Или свет нынче солнечный ярче,
Но теперь я отчётливо вижу,
Различаю всё чётче и чётче,
Как глаза превращаются в очи,
Как в уста превращаются губы,
Как в дела превращаются речи⁸⁸.

Наблюдая лирику Татьяничевой 50-х годов, нельзя не сказать о том, как обогатился изобразительный строй её стихов. При кажущейся скуповатости её лирика изнутри согрета нежным, восхищённым отношением к миру: «Ромашки спят с открытыми глазами», ... «парнишкой большеглазым Бежит по улицам апрель», «Здесь и в полдень все тропинки росны. Нежен мох, как шёрстка у зайчат». Целомудренной чистотой веет от образов, рожденных неожиданными и трогательными ассоциациями: «подснежник на бугор вылез, как цыплёнок», «В ушанках заячьих на вырост Стоят на взгорье тополя», «А ветер, тучи надувая, Трубит в серебряный рожок». Любовно рисует автор образ кудрявого молодого деревца в стихотворении «Тополёк», сравнивая его с дерзким и в то же время очень доверчивым пареньком. Свежо звучит метафора (календарь осени) в стихотворении «Осень»:

День ото дня редеет неба синь.
Тень облаков над озером нависла,
И ветер с пламенеющих осин
Срывает листьев праздничные числа.

⁸⁸ Мартынов Л. 1976. С. 255.

Метафоричностью отличается и миниатюра «После грозы»: слышно, «как выстукивает дятел телеграммы на сосне», солнце смотрит с высоты «через хвойные ресницы». Почти физическую близость и кровное родство с природой ощущает лирический герой стихотворения «Родная природа»; даже вены материнских рук кажутся похожими на русла рек. Он слышит, «как младенческий ручей Бежит по травам и лепечет тихо»,

Трубят призывно вешние леса,
Вздывая ветви, как рога олени,
И мечет громы первая гроза,
Ломая их о горные ступени.

Эмоциональная раскрепощённость, раскованность лирического чувства сделали возможным появление целого ряда замечательных пейзажных миниатюр в лирике Татьянической второй половины 50-х годов, как например, «Весенняя мелодия», «Апрель», «Речка Мама», «Свежий ветер».

Ромашки спят с открытыми глазами,
Не шелохнутся ивы над рекой.
Полями, перелесками, лесами
Неслышно бродит ветер молодой.
Он то к берёзке припадёт щекою,
То светлячка подхватит на лету.
Не спится ветру,
Нет ему покоя...
Как можно спать, когда земля в цвету!
Ведь так проспишь всё лучшее на свете,
Тот светлый час, когда рассвет в пути.
Ко мне в окно стучится свежий ветер,
Зовёт меня, торопит:
– Выходи!⁸⁹

⁸⁹ Татьяничева Л.К. Стихи. 1958. С. 54.

В колыбель мирного, безмятежного сна природы с образом молодого ветра вступает мотив беспокойства, даже с лёгким оттенком досады (Как можно спать, когда земля в цвету!). Лирическое переживание автора сливается воедино с волнением одухотворённого им цветущего мира, ожидающего прихода рассвета: ромашки спят с открытыми глазами, чтобы не проспять «лучшее на свете», а неутомный ветер тормозит всех, торопя к встрече этого «светлого часа».

Достижения в изобразительном строе лирики Татьяничевой также выросли под воздействием самостоятельной концепции жизни, трудовой, тесно связанной с родным уральским краем, его бытом, его землёй. Естественно, на этом пути поэтесса открывает свои, свежие ассоциации, особые колористические и звуковые оттенки.

С НАРОДОМ ВМЕСТЕ ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ

ГЛАВА V. С НАРОДОМ ВМЕСТЕ ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ

Литсотрудник «Магнитогорского рабочего», директор Челябинского областного книжного издательства, собственный корреспондент «Литературной газеты» по Уралу, Татьяничева только в 1959 году профессионализировалась как писатель. С этого времени, собственно, и началась самая активная пора её творческой работы.

Так, из стихов сборника, изданного в малой серии «Библиотека советской поэзии» (1969), две трети написаны за 8 лет (1960 – 1967), остальные произведения в большинстве своём представлены в переработанном варианте. В 1971 году сборнику «Зорянка» присуждена Государственная премия РСФСР имени А.М. Горького. В целом же за последние двадцать лет творческой работы вышло в свет 26 книг Татьяничевой, среди которых есть, безусловно, этапные.

Серьёзную заявку на зрелое мастерство Татьяничева делает в стихотворении «Колодцы», открывающем сборник «Время тёплых дождей» (1963). Здесь образно формируется авторская эстетическая программа. Сердце поэта – глубинный источник с чистой, родниковой водой, которая, если её не брать из колодца, покрывается ряской (тиной): «Берите же воду, Берите! Несите прозрачную в дом! Весёлые вёдра, Звените В наполненном сердце моём!». В своеобразном восприятии природной гармонии черпает поэтесса яркие ассоциации для раскрытия внутреннего

мира художника. Здесь заключен плодотворный и очень характерный для того времени опыт, классически проявленный в поэзии Н. Заболоцкого, А. Прокофьева, Л. Мартынова. Татьяничева нашла свой, особый «срез» земного бытия, неповторимые, ею открытые соответствия и тона, смело укрупнила мир оригинальных и содержательных ассоциаций.

Определившееся в творчестве Татьяничевой второй половины 50-х годов «тёплое течение» постепенно вширь и вглубь пронизывает её лирику.

В «Меченых атомах» есть несколько неожиданные строки: «На огненном железе я Видала кружева – То пламенной поэзии Нежнейшие слова». В сопряжении контрастных явлений: железо – кружева – нежность – нам видится ключ к пониманию эволюции её художественного мышления. Не утрачивая твёрдости, мужественности, её стихи становятся исповедью богатой и утончённой души. Однако не сразу Татьяничева пришла к таким откровениям. На пути к ним её лирическая героиня пережила период страстного поклонения земной буйной силе.

Название всему сборнику «Время тёплых дождей» дало одно из заключительных его стихотворений. Оно и ему подобные («Здесь раздолье весёлым ветрам», «Хороший ветер» «Осень в Зауралье», «Новоселье») оставляли ощущение особой чистоты и осознанной свежести (щедлости майской грозы, ослепительного поединка молний, праздничного многоцветия радуги-дуги), – буйства красок и света, почти языческой жажды жизни. Ершистой пенной брагой напоены травы и хлеба, захмелевшие овсы улыбаются гречихе, ласковый, озорной ветер обнимает горяч-

ку-ёлочку. В царстве неиссякаемых радостей осень молода, нарядна, празднична («Ни грустинки, ни морщинок нет»), зима справляет новоселье – и её голова кружится от счастья. Неожиданно открывшемуся празднику природы настужь распахнуто сердце поэта. Знаменательно включение в этот сборник стихотворения «Здесь раздолье весёлым ветрам», написанного ещё в 1934 году, но органично вписавшегося в общий колорит хмельного счастья.

В ряде других изданий 60-х годов: «День погожий» (1963), «Лирические стихи» (1964), «Мой оленёнок» (1969), «Зорянка» (1970) – подобное радужное мировосприятие обогатится новыми оттенками и одновременно утратит свою однозначность, потому что музе Татьяничевой станут подвластны противоположные эмоции: печали, сомнения, тревоги. Для поэтессы наступит пора мудрого проникновения во все пласты бытия, пора синтеза.

В предисловии к сборнику избранных стихов «Корабельный бор», вышедшему в серии «Поэтическая Россия» (1974), Татьяничева сказала: «Отбирая стихи для этого, одного из наиболее полных моих сборников, я стремилась оставить лишь те стихи, которые не исчерпали «запаса прочности» и могут встать плечом к плечу со своими более молодыми собратьями на одной из улиц-страниц избранного. Страниц, как бы образующих главные тематические магистрали: Сердце моё – Россия, Великая радость – Работа, Область личного счастья, С совестью наедине, Времена года».

По убеждению автора, поэт всю жизнь пишет одну книгу, создавая свой Город, который строится десятилетиями, растёт вширь и ввысь, освобождаясь от уродливых

временок, кривых переулков, неведомо как возникших тупиков. В нём есть главные улицы и проспекты, заводские цеха, лаборатории и рабочие кабинеты, у него свой ритм движения, своя «музыка городов и деревень», в нём, как в любом городе, живут люди, радуясь и печальсь. Знаменательно признание поэтессы: «От песен ничего нельзя утаить, – смолоду я ошибочно считала, что совсем ни к чему поверять песням свои беды и печали. «Кому это нужно», – думала я. Поэзия всегда должна оставаться праздником! Но в жизни не бывает, да и не может быть сплошных праздников, и мои песни, обиженные недоверием, уходили от меня или надолго замолкали. Теперь-то я знаю, что сердце поэта – это дом, двери которого распахнуты настежь для всех чувств, для всех переживаний, обуревающих человека»⁹⁰.

Таким звучанием обладали сборники Татьяничевой 70-х годов: «Пора медосбора» (1974), «Междузорье» (1975), «У рассвета сосны розовы» (1977), «Хвойный мёд» (1978), «Калитка в лес осенний» (1979). Тот же принцип положен в основу «Избранных произведений в двух томах» (1976) и выпущенных к пятидесятилетию Магнитогорска «Магнитогорских пальм» (1979). Будучи тяжелобольной, Татьяничева подготовила последнее, можно сказать, итоговое издание – «Десять ступеней», опубликованное уже после её смерти в 1980 году.

Сама поэтесса писала: «...пусть стихи выстраиваются не по возрастному их рангу, а по корневому их родству, когда не только рифмующиеся их строки, но и соседст-

⁹⁰ Татьяничева Л.К. Корабельный бор. Стихи – М.: Советская Россия. 1974. С. 8.

вующие стихи живут друг с другом в полном согласии, дополняя и продолжая друг друга»⁹¹. Действительно, если попытаться взглядом охватить почти пятидесятилетний творческий путь Татьянической, отчётливо проступают определённые узловыи темы и мотивы, развивающиеся десятилетиями. «Корневое родство», или цикличность, позволяет целенаправленно оперировать стихотворным материалом двух последних десятилетий, строго учитывая «симфоничность» развития той или иной проблемы.

Опыт собственной судьбы, берущий начало у токарного станка Свердловского вагоностроительного завода имени Воеводина, Людмила Татьяническа проверяет опытом жизни народной. Это придаёт её стихам безыскусную искренность и достоверность. Единый со страной путь рождает действенную позицию: «Я рыла доты, Строила заводы, И в зелень одевала пустыри. С народом вместе прожитые годы За мною встали, Как богатыри». Для Татьянической такое мироощущение является естественным, дающим счастье цельности, тесной связи со всеобщим: «Судьба – это мы». Отсюда возникает страстно-напряжённое стремление быть с веком наравне, чувство личной ответственности за всё происходящее в мире.

Обращаясь к современности, поэтесса находит его начала в героическом прошлом:

Не только остриём пера
Рука народа истово писала,
Сохой, клинком
И сталью топора.

⁹¹ Там же.

Татьяничева освещает прошлое своей родины не в эпически развёрнутом, а преимущественно в лирико-ассоциативном плане, что определяет композицию её стихов. Нередко отправными точками служат факты личной биографии, от которых поэтическая мысль устремляется к обобщениям.

«Острой болью врезался в память день смерти Ленина, – вспоминает поэтесса. – Лютый мороз. Скорбные лица. Немая тишина... Мамины тонкие руки обвивают траурной сатиновой лентой портрет улыбающегося Ленина. В глазах у мамы – непролитые слёзы. От этого глаза ещё темнее и больше»⁹². В 50-е годы Татьяничева передала восприятие Ленина сквозь призму чувств ребёнка:

Не думая выйти в поэты,
В сарае,
Большом, как корабль,
Для школьной своей стенгазеты
Писала стихи
Про Октябрь.
Я полной извела мерой
Нужды и сиротства напасть.
Надеждой,
Любовью
И верой
Мне стала советская власть⁹³.

Со временем формируется другой подход к ленинской теме. Тепло и просто она сумела сказать об отношении народа к вождю в стихотворении «Солдатский подарок»:

⁹² Татьяничева Л.К. Стихотворения. 1969. С. 7.

⁹³ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. 1976. Т. 1. С. 126.

Шинелешка из ста заплата.
А глаза –
Голубее неба...
В Кремль принёс пожилой солдат
Полкраюхи ржаного хлеба.
На ладонях,
Твёрдых, как жесьть,
Подад хлеб он в чистой холстине.
– Пусть досыта Ильич поест, –
Год уж больно холодный ныне...
Был с вождём поделиться рад
Он пайковой краюхой бедной.
Так с солдатом
Делит солдат
Перед боем сухарь последний⁹⁴.

Всё здесь построено как будто на бытовых штрихах и красках. Но целый ряд деталей – хлеб на ладонях жёстких, солдатский сухарь последний, отданный Ильичу – наделены большой идейной нагрузкой.

Напрашивается аналогия «Солдатского подарка» со стихотворением «Ленин и печник» А. Твардовского, «Ходоки» Н. Заболоцкого. Заболоцким сходный эпизод осмыслен как встреча посланцев крестьянского мира с правдой и человечностью:

И котомки сами развязались,
Серой пылью в комнате пыля,
И в руках стыдливо показались
Чёрствыи ржаные кренделя.
С этим угощеньем безыскусным

⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 56.

К Ленину крестьяне подошли
Ели все. И горьким был и вкусным
Скудный дар истерзанной земли⁹⁵.

Сходный со стихотворением Татьяничевой эпизод отражён Заболоцким куда более трагично и философски масштабно, так как передаёт свершение извечных чаяний русского мужика. Татьяничева устремлена к открытию уже сложившихся нравственных идеалов; но есть в этой мысли интересный, присущий только ей оттенок – о народных традициях в становлении подлинно человеческих отношений (многозначительные образы чистой холстины, краюхи ржаного хлеба).

В ленинской теме Татьяничеву привлекает образ вечно живого вождя, воплощённый через призму переживаний поколений, для которых Октябрь стал уже историей. Так созревает оригинальная трактовка мотива:

В годину ратных потрясений,
Великих трудностей,
Утрат
Мы думали:
– Будь с нами Ленин,
Нам легче было бы стократ!⁹⁶

Способность Татьяничевой откликнуться на глобальные события времени напряжением всех своих переживаний, воспоминаний – определяет характер её творчества. Так, в цикле стихов о двадцатых годах целый ряд художественных деталей зримо запечатлевает суровую обстановку тех лет: застывший горн кузнечного, потоп-

⁹⁵ Заболоцкий Н. Избранные произведения. В 2 т. М. 1972. Т. 1. С. 281.

⁹⁶ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. 1976. Т. 2. С. 58.

танное бандитами жито, чёрные ржаные горбушки, считае-
мые детворой тех лет за медовые пряники. Между тем
не точность штрихов, живо передающих конкретные
приметы времени, а поиск и постижение на их языке
нравственных истоков жизни народа отмечаем мы, читая
«Хлеб», «Родник», «Сиротство», «Пелагея Гавриловна»,
«Медяки»:

Под сенью берёз белопенных
Мы жили –
Других не бедней...
Два пятака неразменных
Было у бабки моей.
Два тёмных кружочка из меди
Прятала за образа,
Чтоб не просить у соседей
Грошей прикрыть глаза⁹⁷.

Автор обращается к жанру баллады, отдельным сю-
жетным зарисовкам для передачи незабываемого опыта в
годину испытаний. Правомерно А. Михайлов называет
подобные произведения «эпосом малых форм».

Стихотворный тетраптих, носивший программное
название «Памятью сердца», заключает своеобразно раз-
вёрнутый поэтический образ-воспоминание. В первых
двух частях возникает облик матери: её трудовые руки,
ласковый голос, доброе лицо, бесхитростные беседы с сосе-
дями за морковным чаем. Дорогие черты как бы изнутри
скреплены чувством безысходной тоски от невозполнимой
потери – смерти родного человека. В третьей части – но-
вый цветущий город и гудящее шоссе на месте снесённого

⁹⁷ Татьяничева Л.К. Верность – М.: Русская книга. 2005. С. 222.

кладбища. Мотив обновляющейся жизни сопряжён с глубокой болью и одновременно с пониманием величия духовного богатства, обрётённого в отношениях с матерью. Её образ логично вырастает до философски значительно: «Мама, мама, Мать – сыра земля... Мать земля, Матерей наших мать!» Поэтому финальной становится клятва родной земле:

Мы – твоё порожденье,
Земля,
Мы – твоё продолженье,
Земля.
Мы – горячее сердце твоё!⁹⁸

Полуголодные сиротские годы, метущиеся лета юности, суровые перевалы войны – вот в каких условиях формировался характер героини Татьянической, собранный, цельный, строгий.

Ярче всего в стихах Татьянической освещена одна из самых трагических страниц прошлого – эпоха Великой Отечественной войны, сыгравшая в гражданской и творческой судьбе поэтессы направляющую роль. В последний период жизни вновь и вновь обращается Татьяна к минувшему, стремясь теперь с наибольшей прозорливостью проникнуть во внутренний мир своей современницы, понять философски-эстетическую сущность её военного опыта.

Татьяническая запечатлела многие важные проявления войны. Но они нацелены на раскрытие не физических, а нравственных переживаний и завоеваний:

⁹⁸ Татьяническая Л.К. Избранные произведения. 1976. Т. 2. С. 37.

Пусть не в меня в прямом бою
Вонзился штык чужой огранки,
Прошли сквозь молодость мою
Года
Тяжёлые, как танки⁹⁹.

Нагнетание реалий тяжкого, горького трудового тыла (трудный марш очередей за хлебом, суровый голос Левитана над молчаньем площадей, дети в ватничках худых, вдов опущенные плечи) венчается экспрессивным обобщением:

Из гнева плавился металл,
А слёзы
Превращались в порох.

Стихи о войне часто поражают символом, очень ёмким, до которого умело поднят образ обыденного предмета. Автор как бы передоверяет свою мысль поражающему нас штриху: с ириской, зажатой в смуглом кулачке, «в войну в приволжском городке погиб ребёнок при обстреле», яблоко несла мать больному, отдав торгашу всю получку («Ириски», «Красный апорт»).

Другим способом поэтической типизации является одухотворение абстрактных понятий: «Память валится с ног: Память помнить устала». Перенасыщена трагическими переживаниями людская память, поэтому она становится живым одухотворённым существом, к которому можно обратиться так:

Я прошу её:
– Сядь,
Ты устала стоять,
Ты меня не намного моложе¹⁰⁰.

⁹⁹ Там же. Т. 1. С. 29.

Уставшая, она хранит самое дорогое и святое для поэта, но может и безжалостно вскрывать едва зарубцевавшиеся раны. Сдавленный крик женщины, припавший к подножию памятника («На открытии памятника») – это внезапно воскресший образ возлюбленного, потревоженная скорбь матери, жены.

Произведения Татьянической о нелёгкой доле женщин военных лет звучат на особой ноте страстного сопереживания и составляют заметную часть в антологии стихов о Великой Отечественной войне. В голосе лирической героини Татьянической как бы сливаются голоса многих её соотечественниц – от Ярославны до стойких даже в горе от военных потерь её современниц. Убедительная линия духовного становления в горниле выпавших на долю отечества испытаний мужественного женского характера воссоздаётся зачастую средствами локального бытового образа. На трудном хлебе растили солдатки детей, им никогда не забыть, «как сумку тяжёло пустую голодным детям приносить».

В суровый год пекла я пироги
Из чёрствой,
С горем пополам муки,
С начинкой из мороженой калины.
Не каждый день –
Лишь сыну в именины.
Пекла не на дровах,
А на соломе.
И сын просит:

¹⁰⁰ Там же. Т. 1. С. 47.

– Кусочек дай ещё мне.
Дай мне ещё хоть маленький кусочек...
На трудном хлебе вырос мой сыночек.
И не заморыш вырос,
Не обсевок,
А молодец из девичьих запевок¹⁰¹.

В 70-е годы в осмыслении Татьянической военного опыта проявился новый аспект: она видит в войне причину пресечения гармонического течения самой жизни и, признавая одухотворяющую силу страдания, бескомпромиссно выступает против разрушения священных законов человеческой природы. Образ «золотокосого сталевара», созданный поэтессой в 1943 году, спустя 36 лет получает иное толкование:

В ней женственность
И материнства силы
Дыханьем ярым
 Погасил огонь
 А ей бы легче у родной
Могилы
Стоять в слезах,
Прижав к груди ладонь¹⁰².

Проняв во внимание качественное различие героинь в лирическом и эпическом произведениях, можно провести аналогию этого стихотворения Татьянической с отдельным мотивом поэмы В. Федорова «Проданная Венера». Не

¹⁰¹ Татьяническая Людмила. Библиотечка избранной лирики – М.: Молодая гвардия. 1966. С. 20.

¹⁰² Татьяническая Л.К. Калитка в лес осенний. Книга новых стихов. – М.: Советский писатель. 1979. С. 182.

полемизируя, а солидаризируясь с фёдоровской мыслью: «Подвиг стоит Красоты», Татьянаичева утверждает, что цена победы в последней войне оказалась дороже, жёстче, горше, чем расплата Молодостью и Красотой.

Оправдан целый ряд других сопоставлений. Ю. Друнину тоже волнуют судьбы ровесниц, в том числе тех, что «невестами с любимыми расстались, чтобы одним весь век провековать» («Бывает жизнь забавною...»). В элегии о семнадцатилетних героях войны («Три процента») Друнина не менее откровенно ставит вопрос: «Но всё-таки как же с теми невестами сороковых?» Однако её сердцу ближе доля девушек в солдатских шинелях, что шли рядом с любимыми на фронт, побеждая или погибая вместе с ними.

Редкие, случайные встречи героя стихотворения М. Львова «Жёны погибших» с подругами своих убитых на войне товарищей заставляют «мгновенно схватить перемены и увяданья черты» в прежде «роскошных» довоенных красавицах, а затем всерьез и горько задуматься об их невозвратимых потерях.

Этот мотив нигде не набирает той глубины боли, той мыслиёмкости, которой отмечены стихи Татьянаичевой, потому что выразительные конкретные переживания становятся источником постижения законов жизни. Трагедия русских женщин 40-х годов венчается картиной страшных последствий войны для человечества.

Вдовьи слёзы сушит время, тоску лечит материнство, но ни с чем нельзя сравнить глубину отчаяния обречённых войной на одиночество. Для выражения своей мысли поэтесса прибегает к образу безысходной печали:

Смотрят глазами бездонными
На матерей счастливых
Невесты,
Не ставшие жёнами,
В войну потерявшие милых¹⁰³.

Мотив этот получает ещё более пронзительное звучание в контексте одной из самых «татьяничевских» тем – поэтизации самоотверженного материнского чувства. Разнообразна гамма переживаний в этих стихах: древнее как мир, таинство рождения, одухотворяющее женщину («Мадонна»), боль матерей, потерявших своих детей на военных дорогах («Красный клён у окна»), законная гордость и вместе с ней тревога за взрослых сыновей («Тревога»). Но над всем главенствует всепоглощающая, всеильная материнская любовь:

Одни грустят о первых соловьях:
О, как они самозабвенно пели!
А мне всю жизнь грустить о сыновьях,
Так безмятежно спавших в колыбели...
И не устанет сердце вспоминать
О той поре, прекрасной и мгновенной,
Когда бывает для ребёнка мать
Землёй и солнцем,
Целою вселенной!¹⁰⁴

Эта тема развивается от взволнованно-тонкой нюансировки в передаче конкретно-эмоциональных состояний лирической героини («Спящий ребёнок», «Ты болен, мой

¹⁰³ Татьяначева Л.К. Избранные произведения. 1976. Т. 1. С. 37.

¹⁰⁴ Татьяначева Л.К. У рассвета сосны розовы. Стихи. М.: Молодая гвардия. 1977. С. 79.

сокол») к обобщениям нравственно-эстетического порядка («Мадонна»):

Наперекор
Изменчивой молве,
Художники
Прославили в веках
Не девушку
С венком на голове,
А женщину
С младенцем на руках.
Девичья красота незавершена:
В ней нет ещё
Душевной глубины.
Родив дитя,
Рождается мадонна.
В её чертах –
Миры отражены¹⁰⁵.

О чём бы ни писала поэтесса, женская нежность и щедрость светятся в каждом её жесте, а её голос всегда остаётся голосом истинно русской женщины – той, что голосила в Путивле на крепостной стене, той, что провожала возлюбленного на Поле Куликово, той, что скорбно глядела вслед бойцам, благословляя на подвиг в Великой Отечественной, – любящей, мужественной и самоотверженной в своей любви. (Заметим, кстати, что в одном из интервью Татьяничева рассказывала о начатой поэме о русской женщине, о её большой любви, прошедшей через многие испытания. Это должна была быть поэма о самоот-

¹⁰⁵ Татьяничева Избранные произведения. Т. 1. С. 297.

верженности простой русской женщины, повторившей подвиг жен декабристов).

Стихам Татьяничевой последних лет присущ характер мудрого размышления о сущем, определяющего и обратную структуру и динамику интонаций. Поэтесса умеет найти смысловой поворот от бытовой зарисовки, внешнего штриха к глубокому постижению бытия.

В стихотворении «Круги» рассказ о прозаическом старушечьем занятии – вязании половичков – начинается в спокойном тоне повествование о привычном, незначительном. Со строк: «скромного узора пестрота исполнена и смысла и значенья» – начинается перелом в мироотражении. Перед нашими глазами проходит жизнь женщины. Цветовой спектр стиха несёт психологически ёмкое содержание: радостный, ликующий красный, спокойные голубой и белый, траурный чёрный, – последний достигает предельного накала «с истошным криком вести похоронной». Финал стихотворения как будто вновь обращён к исходной сюжетной позиции, а она на самом деле являет собой ещё один уровень наблюдений, на сей раз общечеловеческого звучания, заставляющий глубоко задуматься о ценности простой судьбы скромного человека на пороге смерти:

Старуха вяжет медленно и строго.
Расходятся судьбы её круги,
Сужаясь,
Словно зимняя дорога...¹⁰⁶

Расходятся круги в мире – памяти людской – и сужаются на последней, зимней дороге личной участи. С

¹⁰⁶ Там же. С. 58.

этой печалью о несостоявшемся счастье тема военных потрясений приобретает особое, щемящее звучание. Авторское начало скрыто здесь за логикой отражаемого явления, развитие которого протекает как бы самостоятельно, по своим собственным законам. Накопление главного качества идёт постепенно, уплотняясь к финалу, поэтому концовка не обладает характером неожиданного откровения. Татьяничева стремится, исподволь активизируя внимание к внутреннему содержанию происходящего, завершить его всё разъясняющим аккордом.

В «Суровом танце» сосредоточенность и строгость женщин, пляшущих на току наперекор нелёгкой доле, перерастает в угрозу тем, кто принёс на нашу землю войну, беду-вековуху:

Плясали, словно угрожая
Врагу:
– Хоть трижды нас убей,
Воскреснем мы и нарожаем
Отечеству богатырей!¹⁰⁷

Так открывается потаённая сущность поначалу кажущегося бытовым эпизода, причём он венчается не мотивом ненависти к врагу, а горячей и гордой женской верой в необходимости своей жизни на земле. Такое звучание возникает вследствие авторского «домысливания» сюжетной ситуации.

Поэтесса не скрывает, в каком соотношении рождаются подобные обобщения в её творческом сознании, скорее, напротив, стремится подчеркнуть тесную зависимость между человеческой практикой и раздумьями философа-

¹⁰⁷ Там же. С. 40.

ско-нравственного характера. Поэтому, казалось бы, привычные понятия получают обновлённое звучание.

Образ женщины («Ей приснилось, что она – Россия»), потерявшей сына, на наших глазах преобразуется в символ матери-Родины, окликающей поимённо беззаветно храбрых сыновей. И тогда:

Снег дымится.
Он пропитан кровью.
Меж убитых тихо мать
идёт
И с суровой терпеливой
скорбью
В изголовье Вечность им
кладёт¹⁰⁸.

Сдержанность Татьяничевой в гражданской тематике даёт неожиданный эффект: в коротком стихотворении умещается время и эпоха, судьба человеческая и судьба человечества.

Сложный комплекс представлений о войне, её тяготах, мужестве сражающихся за правду солдат возникает и в стихах пейзажной лирики: ветрам не спится, «как солдатам на войне после сокрушительного боя», вечер уносит «рдяное знамя заката...тайной тропой партизаньей», угрюмая декабрьская заря «на вдов отрешённых похожа» и т.п. Сгущение таких красок не просто изобразительный приём, а средство выражения авторской концепции.

В творчестве Татьяничевой явственна одна из традиций русской классики – наделение природы сложными человеческими функциями, воспринятая поэтессой, думается,

¹⁰⁸ Там же. С. 39.

не без влияния А. Прокофьева. Есенинская (а глубже – толстовская) мысль о противоестественности, бесчеловечности войны получает бытование в одном из послевоенных стихов Прокофьева «Нынче удались цветы повсюду»:

Неужель тебя железом били,
Мать моя, сыра земля моя?¹⁰⁹

Подобные прорывы боли незажившей сердечной раны в прокофьевских гимнах цветущей земле, несомненно, близки Татьяничевой. Упомянутые выше мотивы её стихотворений «Большие ветры», «Вечер после грозы», «Декабрьская заря», как многие сходные: берёза, вздымающая белые руки, в рубцах и шрамах, с горчинкой пороха миндаль, – просто невозможно не соотнести с достижениями А. Прокофьева (сосна, пробитая навывлет, тополь, раненый осколком, семья осин, подорванная гранатой). Заглавный образ стихотворения Татьяничевой «Шумит сосна», несомненно, тоже перекликается с прокофьевской фронтовой берёзкой («Стоит берёзка фронтовая»). Тем не менее, о повторяемости поэтических красок не может быть и речи.

Фронтовая берёзка у Прокофьева скрывающая «как бы припухшею корой» огневую рану («Пробила пуля ей плечо!»), взлелеяна ласковой волной сердечного тепла, авторского сочувствия. Отсюда бесконечная нежность, интимность интонации в лирических пейзажах Прокофьева, прославляющих одухотворяющую, неизбывную красоту родного края. Образы стихотворений Татьяничевой суровой, строже, они как бы наделены свойствами непреклонных защитников России, выстоявших под шквальным огнём:

¹⁰⁹ Прокофьев А. Т. 2. С. 129.

Картечью,
Бомбами,
Огнём
Могучий ствол её изранен.
Она на бронзовом кургане
Глядит за дальний окоём¹¹⁰.

Не случайно в стихах Татьяничевой преобладают подобные мужественные аналогии. Мир живой природы, освоенный под влиянием впечатлений и образов уральской горно-таёжной земли, становится символом действительной воли, силы. Такие качества подчёркиваются: заря – холодная, декабрьская, ветер – тревожный, миндаль – стойкий (расцветающий в холода), вечер – грозовой, курганная сосна «глядит за дальний окаём» и т. п. Татьяничева в природе черпает средства выражения общественных процессов, человеческого осознания. С той же целью она использует, как уже говорилось, бытовые реалии, автобиографический материал. От частного, зримого к широко обобщённому – вот принцип, который последовательно развивается в её поэзии 60-70-х годов.

В таком случае возникает вопрос: как объяснить связь Татьяничевой с столь конкретной «рабочей темой»? Ответить на него можно лишь с учётом тех изменений, которые произошли в этой области в семидесятые годы.

¹¹⁰ Татьяничева Л.К. Калитка в лес осенний. 1979. С. 58.

ВЕЛИКАЯ РАДОСТЬ – РАБОТА

ГЛАВА VI. ВЕЛИКАЯ РАДОСТЬ – РАБОТА

Имя Людмилы Татьянической многими критиками закреплено за типологической группой поэтов, неразрывно связавших свои творческие биографии с рабочим классом. Е. Осетров, например, считает, что в советской литературе существует крупное стилистическое направление, тесно слитое с индустриальным трудом, – Василий Казин, Ярослав Смеляков, Борис Ручьёв, Людмила Татьяническая, Михаил Луконин¹¹¹.

Рабочая тема в русской поэзии имеет более чем вековую историю. В конце прошлого века пролетарская поэзия возникла как выражение мироощущения нового, промышленного класса в России. Эта линия была продолжена на новом этапе формирования новой этики и эстетики труда. Суммарный образ коллектива, плакатная символика, условно-гиперболизированное развитие мотивов составили ведущую в пролеткультовской поэзии 20-х годов, но постепенно отражение массовых настроений и переживаний уступили место вдумчивому осмыслению лирическим героем сложного комплекса проблем, тесно связанных с жизнью рабочего коллектива, но отнюдь не изолированных от целостного бытия. Этот процесс с каждым годом активизировался.

¹¹¹ Осетров Е. Поэзия вчера, сегодня, завтра. – М.: Знание. 1972. С. 23.

Конец шестидесятых, семидесятые годы отмечены резким возрастанием литературного и общественного интереса к рабочей теме. Достаточно вспомнить газетную дискуссию 1974 года «Грани рабочей темы», Всесоюзную творческую конференцию «Рабочий класс: герой жизни – герой литературы» 1980 года.

С горькой иронией по поводу допущенной некоторыми критиками в этой области перегибов Я. Смеляков писал:

Опять пришло, опять настало время,
когда во всю писательскую прыть,
винясь и каюсь, о рабочей теме
мы ежедневно стали говорить¹¹².

Л. Татьяничева, выступая на страницах печати, отстаивала своё глубокое убеждение: «Труд – необходимость, но труд и даритель радости, источник вдохновения, источник прекрасного. И вот мы, поэты, должны показать этот труд в его возвышающей и окрыляющей красоте... Тема труда в наши дни – это, бесспорно, человек и новая техника, но это лишь первый слой проблемы. И вот за первым слоем литератор должен видеть перспективу, ощущать самый воздух жизни, где происходит непрекращающийся процесс духовного обогащения личности»¹¹³.

Своё понимание поэтесса выразила в стихотворении «Рабочая тема». Начальная ораторская интонация во вто-

¹¹² Смеляков Я. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель. 1979. С. 450.

¹¹³ Татьяничева Л.К. Магистрالی главной темы // Правда.1974. 22 декабря С. 3.

рой его части сменяется совсем иными красками, призванными передать сокровенную мысль:

Для меня
Рабочая тема
Не дымы из развёрстых труб.
Это теплое
Детское темя
Возле добрых отцовских губ.
Жёстких,
В трещинах и ожогах, –
Потому-то и нет
Их нежней...
Это песни.
И в ритмах их строгих
Оправдание жизни
Моей¹¹⁴.

В своём творчестве автор этих строк была верна выраженному в них завету.

Труд, ставший для Татьяничевой основой поэтической концепцией действительности, понимается ею как категория нравственная. Мотив добрых натруженных рук мы склонны считать одним из ведущих поисков поэтессы. Его истоки в детских воспоминаниях, в непрекращающихся наблюдениях в течение всей жизни: проворные руки бабки Пелагеи Гавриловны, метавшие в печку хлебные ковриги («Пелагея Гавриловна»), загрубелые – у старого возницы-татарина, укутавшего своим шарфом стынущую от горя и холода сироту («Баллада о добре»), вдохновенные у подлинных мастеров своего дела («Мастерство»,

¹¹⁴ Татьяничева Л.К. Магнитогорские пальмы. 1979. С. 88.

«Суздаль», «Неоспоримые мастера»), повзрослевшие – у золотокомого сталевара и мальчишек-подростков, мастеровивших детали к снарядам и танкам («Угланы», «Стоянка для самокатов»), иссечённые морозом – у госпитальных нянь, полоскавших в проруби окровавленное солдатское бельё («Плачущие руки»), трепетные – у девочки, протягивающей запотевший ковш с ключевой водой в солдатскую теплушку («Припомнишь...»).

В стихах Татьянической последних лет нет места внешним антитезам, наивным «лобовым» выводам. Идёт разработка сложной концепции жизни, взрывающей поверхностные приметы обобщения более высокого порядка. В таких обобщениях тема труда оказывается ключевой. Даже у космонавтов, «небесных путешественников», поэта видит рабочую хватку и полемически завершает «Слово о руках»:

Я думаю,
Пора настала
Внушать себе
Допрежь всего,
Что человеку
Крыльев мало:
Должны быть руки
У него!¹¹⁵

Татьяническа напряжённо осмысливает проблему большой актуальности: о внутренней взаимообусловленности труда и созидания эстетических ценностей, о характере Прекрасного и путях его достижения. Среди многих других произведений («Гранильщик», «За большими де-

¹¹⁵ Там же. С. 149.

лами вослед», «Живёт поэт») выделяются «Руки арфистки». Образ этот избран, думается, неслучайно: он даёт возможность сосредоточить внимание на проявлениях утончённой пластики, изяществе движений, соотносить их с чарующим искусством музыки: «Нежных пальцев касанье – И рождается звук». И вдруг сделать совершенно неожиданное для нас, но концептуально важное для нас наблюдение:

Вдруг на кончиках пальцев
Вижу я бугорки.
Словно зёрнышки соли,
Что хрустят на зубах, –
Трудовые мозоли
На волшебных руках!¹¹⁶

Поэтесса проникает не только в глубинные истоки рождения красоты, но в её смысл. Для зрелой Татьяничевой он кроется в духовных обретениях личности во имя общего блага. Поэтому так органично сопрягаются мотив самоотверженного труда и сквозная в творчестве Татьяничевой тема Родины. Её облик, лишённый внешних красотей, проникнут мужественной созидательной силой:

У великой матери –
России –
Руки тоже в садинах труда!¹¹⁷

Для творческой индивидуальности, получившей первые импульсы к развитию на легендарном Магнитострое, концептуально опорными становятся образы огня как нелёгкой переплавки человеческой души (символизи-

¹¹⁶ Там же. С. 212.

¹¹⁷ Там же. С. 52.

руемой в процессе превращения сломанной породы в чистый металл), света, движения. Они по праву составили основу образной системы сборника «Магнитогорские пальмы», посвящённого пятидесятилетию уральской стройки.

В программном стихотворении «Думы о Магнитгоре» как критерий достижений освещается подъём к духовным высотам, «звёздной вершине» Магнит-горы. «Да, именно так я ощущаю красоту моей Магнитки, – пишет в предисловии к сборнику Татьянаичева, – города-песни, города-легенды, города, которым в годы Великой Отечественной войны называли броневым щитом Отчизны и до сих пор величают флагоманом советской металлургии... Давно отпылали костры его трудовой боевой юности, отгремели штормовые ночи, и Магнитогорск, не утратив ни молодости, ни боевого задора вступил в прекрасную пору зрелости с её мудростью, высоким мастерством, вобравшим лучшие традиции всех своих прославленных Мастеров – Горняков, Строителей, Металлургов...

Многие годы, прожитые мною в Магнитке, стали моим сокровищем, которое со временем становится всё ценнее и насущнее, потому что годы эти были не только счастливейшими, но и определяющими в моей жизни.

Сборник «Магнитогорские пальмы» – знак любви и благодарности городу, являющемуся для меня воплощением романтики, героизма, добра и благородства».

Благодарю.

Дарю.

Горю.

Высокие слова!

Спасибо жизни говорю

За то, чем я жива.
Обрывист путь.
Я не гоню
Горячего коня.
И низко кланяюсь огню,
Согревшему меня!¹¹⁸

В стихах Татьяничевой о Магнитке неслучайно сопряжение образов: звёздная высота, рассвет, огонь, костёр. В своих истоках они, безусловно, связаны с первыми впечатлениями от трудовой деятельности на Магнитке, но позже подобная трактовка исчезает. В поэтике зрелых произведений рассвет, заря – высокий, чистый и светлый символ, отнюдь не декоративный, а сложно концептуальный. Священная способность к творческой самоотдаче закладывалась в рассветную пору юности лирической героини и её города. Огонь, костёр также приобретают многозначное звучание: очищение испытанием, духовного горения и т. д.

«Воспевая не столько строительные площадки, корпуса и станки, сколько всю духовную, творческую атмосферу, окружающую рабочего человека, – отмечала «Советская культура», – Людмила Татьяничева тактично и счастливо избегала нередко, увы, бытующих в литературе общих, усредненных представителей и шаблонной риторики»¹¹⁹. Действительно, в магнитогорском цикле есть целый ряд неповторимых по своему решению стихов. В «Розе ветров» смысл устоявшегося словосочетания отодвинут

¹¹⁸ Татьяничева Л.К. Магнитогорские пальмы – М.: Советская Россия. 1979. С. 3–4.

¹¹⁹ Советская культура. 1976. 7 сентября. С. 5.

поэтически свежим наблюдением – у дикой розы прозрачный стебель и живые лепестки, которые «желты, как пустынь вековые пески, и нежно-белы, как зима», мятежно кружатся на вольном ветру, в изнуряющем зное, что представляется созвучным удивительной юности легендарного поколения.

В стихии бурь и огня закалялись людские души и Слово поэта: «Песни все, Что я найду, В поиске своём, Словно доменщик руду, Прокалю огнём». «Стихи о мужестве писать – Железо молотом ковать». Высший критерий оценки поэтического труда – «услышать, Как звенит в металле Строка, Рождённая тобой», «в родном краю Вдруг песню услышать свою» («Награда», «Когда ты больше рисковал»).

Заметим, что строки из «Награды», по признанию автора, родились под впечатлением встречи и беседы с Челябинским металлургом Героем Социалистического труда Н.Н. Панфиловым, который сказал, что хорошая строка, которая взволновала сталевара, непременно «вплавится» в металл, придаст ему особую звонкость.

О непрерывающейся живой связи поэтессы с рабочим классом говорят газетные страницы, рассказывающие о многочисленных её поездках и встречах. Рабочий секретарь «правления на колёсах», как метко называли секретариат правления Союза писателей РСФСР, Татьяничева была постоянно в пути. Абакан и Тюмень, Самотлор и КамАЗ, Камчатка и Дагестан – успеть повсюду, ощутить трудовые ритмы времени, пульс современности. Немало очерков о героях труда написала поэтесса: о выдающемся металлурге А. Шатилине («Линия полёта»), о сталеваре

А. Грязнове («Улица сталевара Грязнова»), о первом библиотекаре комбината С. Константиновской («След на земле»), о рабочем второго мартеновского П. Батиеве («Скромность и сердечность»). И стихи свои с гордым чувством трудового товарищества Татьяничева посвящала им: сталеварам Владимиру Захарову, Николаю Игину и другим.

С особой теплотой и деликатностью относилась Татьяничева к рабочим поэтам. Вспоминает В. Богданов:

«Это было в конце 50-х годов. Шло обычное воскресное занятие литературного объединения металлургического завода. И вдруг к нам неожиданно пришла поэтесса Людмила Татьяничева и драматург Николай Смелянский. Мы засуетились, прервали очередное обсуждение, а Людмила Константиновна извиняюще посоветовала продолжать обсуждение и сказала, что они зашли просто послушать нас.

Для наших гостей мы поочерёдно читали свои непричёсанные первые вирши и ждали, что скажет Л. Татьяничева. Она с тактичностью гостя сделала свои замечания по прочитанному, по-матерински напутствовала нас: «Мы только что были в мартеновском цехе вашего завода. Удивительные люди работают там. И вам, молодым литераторам, предстоит завидная доля показать их труд во всей широте и глубине сегодняшнего дня. Меня радует накал стихов Валентина Сорокина (в то время В. Сорокин широко печатался в областных газетах, но не издал ещё первой книжки), он умеет горячо, напористо, пусть порой сбивчиво, но знаючи рассказать о своих товарищах по заводу»¹²⁰.

¹²⁰ Богданов В. По ступеням времени // Наш современник. 1975. С. 12.

Валентин Сорокин, отдавая дань любви и признательности своему наставнику в поэзии в статье «Красивая и строгая» пишет: «Впервые я увидел Людмилу Константиновну в 1954 году в красном уголке большого прокатного цеха Челябинского металлургического завода, куда после смены быстро сходились рабочие.

Красивая и строгая, она рассказывала собравшимся о литературных новинках тех лет, о поэзии. Потом – читала свои стихи. Народу было много, но слушали внимательно. В тот раз я не решился подойти к Людмиле Константиновне и признаться в том, что я очень люблю стихи и пытаюсь писать сам, хотя иной раз мне казалось, что она смотрит на меня и чувствует мои мысли.

Людмила Константиновна Татьяничева умело и деликатно прикрывала нас, молодых поэтов-уральцев, от наскоков местных «мастеров» уличать, делать выводы и от всевозможных ярлыков...

В нас, молодых литераторов Челябинска, она видела как бы продолжение литературной Магнитки крылатых тридцатых годов. И всегда подчёркивала это на творческих собраниях и вечерах»¹²¹.

Татьяничева не ждала, когда её попросят о помощи, всегда сама делала первый шаг навстречу. Подобные случаи вспоминают журналист Николай Карташов, прозаик Кирилл Усанин и многие другие уральцы и не уральцы... Сама Татьяничева признавалась: «Большую радость доставляет работа с молодыми, у нас небывало много сейчас

¹²¹ Сорокин В. Красивая и строгая. – В его кн.: Благодарение. С. 110.

талантливой молодёжи, и как смело, крупно она шагает, как быстро мужает!»¹²²

Сравнение труда поэта и рабочего – давняя традиция советской поэзии, восходящая к поиску Маяковского в передаче ответственности и сложности творчества, активизировалась в 60-70-е годы. Совестью, мучительным ощущением недовольства собой проникнуты строки «Первой полочки» Смелякова:

Как будто занят пустяками
среди дел суровых и больших,
и вроде стыдно жить стихами,
и жить уже нельзя без них¹²³.

Тот же нравственный вопрос – «Зачем мы?» – остро ставит В. Фёдоров: «Мы же не родились поэтами, а в большинстве пришли в поэзию от какого-то дела... Это совсем не значит, что мы должны быть поэтами своих прежних профессий, но сознание своей причастности к производительному труду не может не обострить мысль: «Зачем от непустяшных дел, ценимых народом, мы пришли в поэзию?»¹²⁴. В стихах В. Фёдорова такая позиция, как правило, открыто проявлена, пожалуй, несколько декларативно, но всегда полемически заостренно, афористично:

Поэзия –
Не строчка ловкая,
Что Музой томною
Подарена.

¹²² Татьяначева Л. Лирические стихи. 1964. С. 6.

¹²³ Смеляков Я. С. 251.

¹²⁴ Фёдоров В. Наше время такое. О поэзии и поэтах. – М.: Современник. 1973. С. 142.

Поэзия –
Железо ковкае,
Когда с неё
Слетит окалина¹²⁵.

Он не приемлет инфантильной самовлюблённости поэзии, чурающейся раздумий «о трудном хлебе, о железе». Сравнением поэтического труда с рабочим Фёдоров стремится утвердить общественно-активную, гражданскую функцию поэзии. У Татьяничевой такой приём призван передать сложность и ответственность самого процесса и результатов творчества:

Когда ты больше рисковал:
Когда бил зверя наповал
Или гонял в ночи глухой
За ускользящей строкой?
Когда ты больше уставал:
Ведя тяжёлый самосвал
Иль нянча на руках своих
Неделями! –
Единый стих?¹²⁶

Как уже говорилось, поэзии Татьяничевой свойственно сопоставление труда – мастерства, труда – искусства. В последние годы это стремление набирает новое дыхание, благодаря чему по-иному освещается и подвиг рабочих и критерий Прекрасного. На высокой ноте начинает звучать тема вдохновения. Заметно расширяется охват явлений творчества. Героями становятся не только уральские камнерезы и гранильщики, но несравненные

¹²⁵ Фёдоров В. Собр. соч. Т. 2. С. 384.

¹²⁶ Татьяничева Л.К. Магнитогорские пальмы. С. 89.

мастера русской земли: от «зодчих суздальских Грязнова с Маминым», до безымянных строителей Кремля и града Петрова («Суздаль», «Неоспоримые мастера»). Отсюда возникает ориентация на автора знаменитых «Зодчих», провозглашённая Татьяничевой в статье «Магистрالی главной темы». Свежее и ёмкое сопоставление, положенное в основу «Гончаров», объясняет рождение Прекрасного силой духа, вдохновенной работой обычных, на первый взгляд, людей:

Из этой же привычной глины
Почти с неведомой поры
Творили сказки и былины
Могучей хватки гончары¹²⁷.

Такого рода осмысление таинств искусства характерно для многих современников Татьяничевой. Если она шла от живой конкретики заводского труда, то у В. Рождественского этот путь начинался у сияющих вершин русской литературы. Тем удивительней и знаменательней факт пересечения их художественного поиска. Восхищение «сермяжными строителями России», безвестными умельцами приводит Рождественского к близкому автору «Гончаров» утверждению:

В родном искусстве и на их дрожжах
Восходит нас питающее тесто

При этом разумеется, у обоих поэтов сохраняются ярко выраженные собственные ориентиры. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить «Руки арфистки» Татьяничевой и «Вологодские кружева» Рождественского.

¹²⁷ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. Т. 1. С. 171.

От существа его мировосприятия проистекает нерас-
торжимость представления автора «Вологодских кружев»
о сущности искусства:

Где за ниткою нитка гонится,
Песню ткёт про тебя, Земля.
Пальцы лёгкие и проворные
Заплетают, вспорхнув едва,
Как мороз по стеклу, узорные
Вологодские кружева.

Рождественскому важно открыть печать вдохновен-
ного искусства в будто простой работе скромной труже-
ницы, для Татьянической – увидеть в утончённой духовно-
сти арфистки знак её мужественной, воистину самозаб-
венной деятельности.

Опыт магнитогорской юности был дорог Татьяниче-
вой в течение всей жизни. Между тем зрелое творчество
поэтессы – свидетельство заметной творческой трансфор-
мации опыта прошлого по линии не только углубления
привычных для 30-х годов представлений, а их сближения,
сращения с целым рядом других, не имеющих непосред-
ственное отношение к работе на Магнитке. В стихах Тать-
янической конца 60-70-х годов трудно провести раздел меж-
ду посвященными первой пятилетке, испытаниям Вели-
кой Отечественной войны или проблемам современности.
Такой подход свойствен и другим поэтам, что позволяет
говорить об обогащении рабочей темы не столько жиз-
ненным материалом, сколько мудростью осмысления эпо-
хи в целом. Но в таком случае понятие «рабочая поэзия»,
на наш взгляд, устарело. Стоит лишь помнить об истоках

возникновения индивидуальной образной системы, поэтики.

Можно ли «Строгую любовь» Я. Смелякова, «Прощание с юностью» Б. Ручьёва, «Седьмое небо» В. Фёдорова на том лишь основании, что речь идёт о конкретной городской действительности их рабочей юности, отнести к «рабочей поэзии»? Разумеется, нет. Тем более опасно под этот общий знаменатель подгонять свободное течение лирики. В разных сферах и формах передаётся реакция на запросы нового времени. Философско-нравственный план обобщений, критическое отношение к прежним неточным, а иногда и наивным взглядам здесь главенствует.

Большинство стихов Татьяничевой нужно рассматривать с точки зрения заключённого в них органического комплекса явлений, свойственных духовному миру её современников. Как сказал В. Фёдоров, Людмила Татьяничева доказала «своими талантливыми стихами, что для нас рабочая тема не узкая, а широкая – до проблемы счастья на земле»¹²⁸.

¹²⁸ Фёдоров В. Наше время такое. О поэзии и поэтах. – М.: Современник. 1973. С. 142.

В МЕЖДУЗОРЬЕ ВМЕЩАЕТСЯ ЖИЗНЬ

ГЛАВА VII. В МЕЖДУЗОРЬЕ ВМЕЩАЕТСЯ ЖИЗНЬ

Путь Людмилы Татьяничевой в поэзии измеряется без малого пятью десятилетиями. У её стихов обширная разновозрастная аудитория почитателей, прочная устоявшаяся репутация. Суровая нежность, мужественная женственность – так, в общем близко по сути, определили критики существо поэзии Татьяничевой. И вдруг в 70-е алмазной крепости и чистоты стих Татьяничевой засверкал новой, для многих неожиданной своей гранью. За «Зорянкой», получившей Государственную премию РСФСР имени А.М. Горького, последовали «Междузорье» (1974), «У рассвета сосны розовы» (1977), «Хвойный мёд» (1978), «Калитка в лес осенний» (1979), открывшие новые горизонты её таланта. Сдержанная грусть, взглядывание в безвозвратно уходящие годы, тревожные, подчас горькие раздумья и одновременно восхищение, восторженное любование земной красотой – всё это было так ново для той самой устоявшейся репутации. А между тем Татьяничева идёт в русле классической русской традиции. «Русская поэзия горда лирикой, отвечающей на все «вечные» вопросы, – писал В. Луговской. – Жизнь, смерть, высокая любовь, ревность, страсть, жажда справедливости, рождение человека, сознание человеком себя в природе, бессмертие – вот исконные темы подлинной лирики»¹²⁹.

¹²⁹ Луговской В. Раздумья о поэзии / В. Луговской. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. С. 291.

Вечность у Татьяничевой метафорически представлена в образе суровой старухи, ведущей скрупулёзный учёт каждого мгновения:

Глаза красны
От напряженья.
Она стара.
Она не бог
Упустишь хоть одно
Мгновенье,
И не получится итог¹³⁰.

Сразу напрашивается сравнение этого произведения с «Пряхой» Смелякова, где старая труженица-история плетёт нить революционной истории. Скорее можно говорить о полемическом развитии Татьяничевой опыта Смелякова. У него тема исторического движения воплощается в образе умудрённой в труде женщины: так художник объяснял смысл и исток революционных достижений. Татьяничева в известном смысле снижает характер сомневающейся в себе «хозяйки космоса», ибо она «не бог» и не в состоянии уловить земных дел и метаморфоз. Такими средствами передаётся убеждение в подвластности всех мгновений и течения жизни только человечеству.

Татьяничева освоила свой, перспективный подход к «космическому» материалу, включив его в пласт человеческой жизни, благодаря которой, собственно, и активизировался интерес писателей к проблемам космоса. Обретая новые измерения, критерии, поэтесса с их высоты ведёт поиск в направлении тяготения человечества к гармонии, к приобщению небесной красоте, солнечной энергии,

¹³⁰ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. Т. 2. С. 176.

способности нести ответственность за всё происходящее на земле. Опираясь на разработанные Смеляковым принципы типизации (очеловечивание в образе труженика), Татьяничева идёт своим путём, углубляя свои наблюдения и выводы, соответственно которым складывается определённая поэтика её произведений.

Начало лирических медитаций о времени и собственной судьбе мы относим к середине 60-х годов, когда на пороге своего пятидесятилетия поэтесса создаёт «предзимние» стихи, глубокие, раздумчивые, немного грустные («Себе кажусь я северной зимой...», «Осенние строфы», «Предзимний лес»). Побеждая тревогу, с печалью осмысливая наступающую «осень», Татьяничева остаётся верна жизнеутверждению, что пробуждает особое доверие к её оптимизму.

Исток нелёгких раздумий положен вопросом: «А я? Что я оставлю людям, Чем одарю их, уходя?» Беспокойство возникает вне заданности и рационалистичности, в ходе рассказа о гуманном таёжном обычае – в каждой охотничьей избушке оставлять небольшой запас пищи, дрова, спички («Хороший обычай»). И далее поэтесса не сбивается на отвлечённое философствование:

Светлеют сумерки седые,
Зарёй окрасили снега.
О, если б знали молодые,
Как жизнь бесценно дорога!
Любая малая минута,
Что обронили мы в пути,
Могла бы жизнь спасти кому-то,
Пшеничным колосом взойти¹³¹.

¹³¹ Там же. Т. 2. С. 110.

Сила этих и других подобных строк в локальности зрительных ассоциаций – внутренних параллелизмов (первый шаг человека к своей осени – «сумерки седые» – сила чувств, как бы окрашивающая «зарёй снега» в открытой обращённости к молодому читателю, в поэтичности образов активного действия) «пшеничным колосом взойти», в тоне пушкинской «светлой печали».

В стихах Татьяничевой зрелой поры нет места безмятежности, они полны драматизма, так как обращены к быстротечности отведённого человеку времени. Щемящая нота разочарования не мешает, однако, автору открыть величие вечного обновления:

Что вечно?
Вопрошаешь ты в тоске.
А лето расцветает
Молодое.
Дитя резвится на речном песке,
И у воды
Сидят, обнявшись, двое¹³².

На первый взгляд, общему жизнеутверждающему настроению противостоят такие стихотворные миниатюры, как «Жизнь проходит», «Гасит смерть», «Всё остаётся людям...» и некоторые другие. Сильно выражены здесь горестные сомнения, нередко подчёркнутые анафорически организованными вопросительными предложениями, сомнения, вызванные и житейскими разочарованиями и раздумьями о высших мирах:

¹³² Татьяничева Л.К. Калитка в лес осенний. С. 10.

Гасит смерть
Дорогих адресов маяки.
Ни звонка,
Ни письма,
Ни пожатья руки.
На любимых устах
Застывают слова.
...Неужели и в этом
Природа права?!¹³³

Однако, как почти везде в последний период творчества Татьянической, ответ таится в самой постановке вопросов, в их полемическом звучании. Экспрессия выражения того, что не происходит (миры свои не оставляет мыслитель, а человеческое сердце – таимый от всех дерзкий поиск, смерть разрушает любовь, близость), позволяет воспринять все эти строки как поклонение богатству жизни, ценности каждой личности, хотя тем трагичнее прощание с ними.

В лирических размышлениях Татьянической есть две пограничные точки: рассвет, светлый мир юности, начала пути и «огненная черта тревожного заката». Мудрое и мужественное стихотворение «Междузорье» несёт утверждение заветной мысли поэтессы о том, как трудно, но необходимо сохранить стремление в лучезарную высь, пронести от зари до заката высоко духовные и героические помыслы и чувства:

В междузорье вмещается день.
В междузорье вмещается ночь.

¹³³ Татьяническа Л.К. Междузорье. Стихи. – М.: Советский писатель. 1975. С. 38.

Я искала траву одолень,
Чтобы утру
Родиться помочь.
Только зорь
Высоки берега.
И дорога к ним еле видна.
Быстро мчится меж ними
Река -
Днём светла,
А ночами темна.
Поняла я, -
Ты тоже пойми,
Глядя в эту рассветную высь,
Что не только все ночи
И дни,
В междузорье
Вмещается жизнь¹³⁴

Замечательно, что Татьянаичева последовательно обогащает символические образы природы. На раннем этапе творчества они употреблялись как «служебные», чтобы оттенить красоту созданного человеком. Теперь, наоборот, вечные явления жизни символически включают в себя разные по протяжённости и значению отрезки времени (Октябрьская заря, заря Магнитки), противоположные периоды человеческой жизни (рассвет, закат). Такое многозначное содержание ведёт к внутренним сопоставлениям разных смыслов «зорь».

Ю. Черепанов вспоминает интересный разговор с Татьянаичевой о «секретах» творчества: «Она рассказала о

¹³⁴ Там же. С. 137.

том, что всё время снился ей тревожный сон, один и тот же: сосновый бор, а посреди поляны высокое, как струна, дерево, и она, – босоногая, прокалённая солнцем до смуглоты девчонка – встречает будто седым мохом поросшего старика. «Оно – твоё: растёт, пока ты растёшь», – говорит он. Тревожный сон. И вот однажды ночью, разбуженная им, она села в кухоньке и написала стихи. Назвала их – «Кольца», кольца жизни на дереве, год за годом»¹³⁵.

В могучем солнечном бору
Есть дерево одно.
Умру – и тотчас топору
Подставит грудь оно.
Так жадно любящее жить,
Подставит смерти грудь,
Чтобы достойно снарядить
Меня в прощальный путь.
Ему как будто суждено
Дать мне прощальный кров,
Так на Руси заведено
Ещё спокон веков...

Мотив ухода из жизни стал нарастать по ходу продолжительной болезни Татьянической. Однако до последнего часа столкновение с «чёрным айсбергом Смерти» кажется ей преодолимым («Год кочую на раненой льдине»), и более всего заботит боль близких, чувство их утраты. Она приходит к осмыслению недопустимой несправедливости, когда юные души соприкасаются с каждой конкретной гибелью, переживают страшное узнавание, «что стопроцентна смертность на земле!» Самоотверженная по-

¹³⁵ Черепанов Ю. Радуга между зорями // Известия. 1976. 20 апреля.

зиция поэтессы рождает строки редкой проникновенности и глубины. Шестым апрелем 1980 года датировано стихотворение «Профиль»:

На срезах скал
Гроза резцом нагим
Мой профиль отчеканит.
Кем буду для тебя,
Когда меня не станет...
О, лишь не одиночеством
Твоим¹³⁶.

Татьяничева не только не драматизирует, но даже пытается снять трагическую мантию с темы прощания с жизнью:

Когда же я выроню стремя,
Во мне остановится время,
Как стрелки
На старых часах,

или:

Помахав на прощанье
Случайным прохожим,
Я с былинкой уйду
В невесомой руке.

Ощущение богатства живого мира даёт силы даже перед небытием восстать против забвения.

Имя Анны Андреевны Ахматовой уже не раз упоминалось на страницах этой книги. Некоторые статьи последних лет содержат открытое указание на связь имён двух поэтесс. Критик А. Пистунова так определяет «поэтическую родословную» Татьяничевой: «Её поэтика во

¹³⁶ Татьяничева Л.К. Последние стихи. 1980. С. 4.

многим определена новшествами, привнесёнными в наше стихотворчество, когда явилась Ахматова с её «равновесием между стихом и словом, между стихией ритма и стихией слова». Поэт В. Сорокин формулирует этическую позицию Татьянической: «Это смелость – верность, я бы сказал ахматовская порядочность и патриотизм – то долговечное и высоконравственное, что и даёт большому таланту большую долю»¹³⁷. В. Фёдоров видел имя Татьянической стоящим в поэтической рубрике вслед за А. Ахматовой, М. Цветаевой, рядом с О. Берггольц. Необходимость исследования ахматовской традиции диктует письмо самой Людмилы Константиновны к автору этой книги от 5 февраля 1979 года, в котором, отстаивая осознанное притяжение к опыту старшей современницы, Татьяническа пишет: «Её творчество ВСЕГДА (выделено автором высказывания в личном письме к автору книги. – Т.М.) было дорого для меня глубиной и мысльёмкостью строки, ясностью и благородством формы, удивительным чувством меры и силой гражданственности в её вершинных стихах»¹³⁸.

На материале стихов Татьянической 30-50-х годов можно было говорить лишь о влиянии, выраженном в заимствованиях либо в прямом следовании полюбившимся принципам. Когда же младшая из поэтесс обрела свой голос, свой художественный мир, открылась подлинная причина её влечений к старшей.

В зрелом творчестве Татьянической окончательно сложился жанр лирических медитаций, большим масте-

¹³⁷ Сорокин В. Красивая и строгая. – В его кн.: Благодарение. С. 110.

¹³⁸ Татьяническа Л.К. Мне бы только успеть... Письма, дневники. – М.: Русская книга. 2002. С. 420.

ром которого была Ахматова; проявились в качестве ведущих многие философско-эстетические темы. Среди них немало значение заняли: смысл творчества – назначение художника, жизнь – любовь – смерть. Многие предсмертные произведения Татьяничевой пробуждают воспоминание о признаниях Ахматовой:

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...¹³⁹

Но разность установок обеих поэтесс ощутима. Ахматова являет таинство неведомого, Татьяничева стремится донести страшное противоречие между вечным движением жизни и неестественным для человека покоем, остановкой времени. Кроме того, благородная сдержанность достигается Татьяничевой, в отличие от Ахматовой, ценой невероятного напряжения душевных и физических сил, и она умеет на высокой ноте протеста против тёмных сил страдания донести это состояние:

Как трудно крови
Течь,
Как больно крови
Стыть...

или:

И лишь, когда нагрянула беда
И обнажилась бездна
Предо мной,
Я крикнула:
– Мне рано в никуда,
Ещё не завершён мой путь земной!¹⁴⁰

¹³⁹ Ахматова А. Стихотворения и поэмы – Л.: Советский писатель. 1976. С. 251.

Эти и другие стихи, взрывные, щемящие, лишены и следа просветлённости, как, скажем, исполненные почти неземного величия духа и мудрой самоиронии ахматовские «Приморские сонеты» или «Без названия»

В лирике Татьяничевой, напротив, необычайно усиливается драматизм волевого напряжения, «яростной борьбы со смертью, борьбы, в которой последний глоток воздуха отдаётся Слову-Песне, оказавшейся способной наперекор всему пробудить всплеск жизни. Именно её бурной красоте, активной энергии (а не вечно Прекрасной, как у Ахматовой, «неба бирюзе» в отличие от тленности человека) поёт свой гимн Татьяничева:

Мне снилось,
Что лодка уходит ко дну
Кратчайшей
Из всех моих прежних дорог.
Что слов остаётся -
На песню одну,
А воздуха -
Лишь на единый глоток.
Последний глоток
Отдаю я словам, -
И лодка, влекомая к тёмному дну,
Всплывает! -
Назло всем погибельным снам,
Тяжёлым ребром разрезая волну¹⁴¹.

Последний образ может быть прочитан как реминисценция из Ахматовой. Вспомним «Мартовскую эле-

¹⁴⁰ Татьяничева Л.К. Последние стихи. С. 11.

¹⁴¹ Татьяничева Л.К. Калитка в лес осенний. С. 34.

гию»: «И из чьих-то приплывшая снов И почти затонувшая лодка». Ряд образных переключек можно продолжить: у Ахматовой – «И сосен царственное тело В закатный час обнажено», у Татьяничевой – У рассвета сосны розовы, А у вечера – красны» и др. Очевидно своеобразное восприятие творческой эстафеты старшего поколения. Но Татьяничева вкладывает в эти близкие себе образы своё, порой полемически направленное к источнику содержание. Она располагает системой глубоко продуманных взглядов, все её стремления реализуются в русле зрелого отношения к жизни, которому только помогают проявиться запавшие в сердце созвучия, соцветия.

Не идеализируя действительности, не упрощая человеческого взаимодействия с ней, Татьяничева в драматических (а иногда трагических) картинах склонна высветить состояние противоборства с препятствиями. У Ахматовой мастерски уловленная в природе деталь (обнажённое, незащищённое тело сосен, затонувшая лодка) призваны передать элегические переживания. Татьяничева находит эстетически убедительный образ спасительной противоположности.

Благородны и глубоко человечны душевные движения, отразившиеся в поздней лирике Татьяничевой. Безусловное уважение и доверие вызывает выстраданное и потому неистребимое жизнелюбие поэта. И конечно же, неслучайны кажущиеся неожиданными в «предзимье» образы: «юность новая моя», «у новых весен на краю», так же как глубоко органичен эпиграф к стихотворению «Вступает возраст в новые права», взятый из бессмертного «Кола Брюньона»: «Я – то что будет, а не то, что было».

Источник этого жизнелюбия питает сама Вечная Природа, её законы, по-своему гарантирующие человеческое бессмертие:

У зимнего дня на виду
Солнце роняет корону...
По склону раздумий иду
Я будто по горному склону.
Иду, ни о чём не тужу
И в облаках не витаю.
Лишь пройденный путь свой
Слежу
Да близкие судьбы
Читаю...

Вдруг,
Сердце моё леденя,
Под ноги мне падает
Птица...
А время отчаянно мчится
При мне,
Но уже без меня¹⁴².

¹⁴² Татьяничева Л.К. Верность – М.: Русская книга. 2005. С. 305.

ИЗ ЛУЧЕЙ, ИЗ ЗАПЕВОК, ИЗ ТРАВ

ГЛАВА VIII. Из лучей, из запевок, из трав

Среди вечных тем лирики – человек и природа. В так называемых «пейзажных» стихотворениях сложно переплетаются мотивы гармонии человека и природы, эстетического утверждения добра и красоты, правды и истиной человечности с постоянно присутствующим (открыто или в подтексте проявленном) ощущением опасности, которую таят в себе некоторые проявления научно-технического прогресса. Поэзия проникнута беспокойством, что гипердинамизм современной жизни может обернуться духовной слепотой.

Упругих скоростей режим.
В полёте звук опережаем!
Мы так отчаянно спешим,
Что быть собой не успеваем¹⁴³,

– с горечью признаётся Татьянаничева. В этих предостережениях она, разумеется, не одинока. Как в замедленном кино, переключая скорость движения во времени, поэты призывают остановиться и взглядеться в движение облаков (Б. Слуцкий), медленное кружение снежинок (В. Соколов), цветение зари (Л. Татьянаничева) – в естественную, неповторимую красоту мира. Смена времён года, восходы и закаты, величавое спокойствие гор и тайги, запахи цветов и трав – всё это предмет просветляющего и возвышающего поэтиче-

¹⁴³ Татьянаничева Л.К. Калитка в лес осенний. С. 205.

ского очарования, целебный источник радости для всякого эстетически и нравственно здорового человека.

При всём уважении, даже восхищении дерзостью человеческого вызова стихийным силам природы, воспевая трудовой энтузиазм людей, созидающих новую красоту, вслед за А. Твардовским и Я. Смеляковым, Татьяна Николаевна отвергает противопоставление её (новой красоты) вечной Прекрасной земле (как то, увы, бывало в некоторых произведениях начала 50-х годов).

В своих многочисленных поездках по стране Татьяна Николаевна познакомилась со многими крупнейшими стройками Севера и Сибири. Абакан, Ангарск, Сургут, Самолтор – «звучащая», богатая география встаёт со страниц её газетных публикаций и поэтических сборников («Ангарск», «Следы костров», «Растут города» и др.). Татьяна Николаевна глубоко верит в возможность гармонии человека и природы. Однако всё чаще, сердцем печалась, ведёт мучительный счёт потерям матери-земли.

К связям Татьяны Николаевны в этой области с её современниками можно подойти по внешнему тематическому принципу. Наверное, нет сегодня ни одного поэта, кто бы ни откликнулся на опасность экологической катастрофы. Призывов защитить природную гармонию множество. Полемическое стихотворение С. Викулова из цикла «Природа-мать» представляет проблему во всей своей остроте и сложности:

Все, как один, на сотнях языков
клянутся ей в любви неистребимой...
Но кто же, кто «наставил синяков»
ей, всеми нами преданно любимой?!¹⁴⁴

¹⁴⁴ Викулов С. Избранное. – М.: Худ. лит. 1979. С. 339.

Ноты тревоги в связи с опасной дисгармонией природы и человека звучат в «Третью петухах» В. Фёдорова: «Природа и сама Стремится К совершенству, Не мучайте её, А помогайте ей!» Людмила Татьяничева тоже нередко прибегала к прямым призывам любить земное царство лесов, гор («Скажу, – как угодно пусть судят»), но лучшие её достижения связаны не с такими «любовыми» решениями.

Когда поэтическая мысль, чуждая дидактики, свободно и раскованно развивается в пейзажных стихах, мы отмечаем, что вечно живой земной мир оказывается близкой душе поэтессы стихией. Зима в её стихах – чудесное существо с бесхитростной, незлобивой душой, «хвойнобровая, разудалая, как цыганка»; лето зябнет от холодных, затяжных дождей; молодая осень проходит лесом красавицей с травинкой в зубах и т.п. Все эти образы наделяются многозвучным голосом, сложным внутренним обликом, эмоциями, становятся полноправными «действующими» лицами стихов. «Чем опечален, бор мой синий, Все ль дети счастливы твои?» – обращается в интимно-доверительной беседе поэтесса, когда надо, умеющая врачевать своей любовью страдающие от засухи поля:

Колосья лёгонькие глажу,
Шепчу им:
Богатырь придёт,
Поднимет озеро как чашу
И густо на поля

Прольёт.

Обострённая восприимчивость художника ощутима в стихотворении «Горькое раздумье», где мир и люди видятся то глазами непуганой желны, то преданными, влюб-

лѣнными глазами собаки, а то скорбным взглядом старой раненой кабарги, «что глядит с укором и тоской, за людей испытывая стыд». В разных стихах возникает то трогательный образ волчонка-погорельца, доверчиво прильнувшего к ладони человека, то берѣзки, которой пламя костра «повыжгло очи», то пушистого найдѣныша щенка с перебитой лапой. «Я мечтаю о таком доверье, Чтоб от нас не ожидали лиха Ни цветы, ни травы, ни деревья, Ни олень, ни тихая лосиха», – это тоже этическая программа, но начисто лишѣнная дидактики.

Татьяничева воссоздаѣт детски первозданное чувство восхищения миром, сообщающее особые краски: «У оленя на губах Алыи сок клубники, И запутался в рогах Колокольчик дикий», «Зелѣный брусничник, Раскрыв глаза, Вскинет ладошки вверх», «Лениво нежится морошка, Вбирая сок самой зари», «В льдистом небе голубая прорубь С золотистой рыбиной на дне», «Вдруг ливень тѣплый, как тулуп, Свалился нам на плечи» и т.п. Часто встречаются у Татьяничевой мотивы природных стихий: дождя, ветра, грозы, прямо или опосредованно выражающие душевные состояния лирического героя. Так, например, образ молнии в большинстве случаев возникает в контексте бодром, жизнеутверждающем: «Действуй, майская гроза! Будь по-юному щедра...Чтоб играла молния», «Июньских молний поединок Был ослепительно хорош». И вдруг какой-то иной поворот образа, несущего теперь символ обречѣнности:

Нависла туча тяжѣлая
Над озером оробелым,
Молнии ветка голая
Светится пламенем белым.

Метафоры Татьянической, как правило, носят локальный характер, основаны на соединённом самой жизнью, исходят от острой, но естественной наблюдательности внимательного, мыслящего человека.

Осень: Деревья держат на весу
Узорный полог листопада.

Сумерки: Лес придвинул к самым окнам
Бородатое лицо.

Засуха: Влачатся тучи-нищоброды
С бесхлебной чёрною сумой.

Здесь снова нельзя не отметить плодотворную традицию Есенина, у которого поутру сонные берёзки «рас-трепали шёлковые косы», ветер полощет в воде «синие ноги» и т.д.; и более поздний опыт А. Прокофьева: ветер кружит голову цветам, шалый, целует зарю, успевая словечком тайным перемолвиться с кудрявой яблоней.

В 30-40-е годы вряд ли был возможен разговор о тяготении Татьянической к проникновенно-поэтической традиции Есенина, продолженной многими поэтами, среди которых в первом ряду стоял Прокофьев. По отношению к позднему творчеству Татьянической такая постановка вопроса правомерна.

Есенин, гениально переплавивший народную языковую культуру с профессиональным творчеством, отразил особые, «очеловеченные» отношения между силами природы, что дало ему бесконечное богатство новых красок для передачи духовных состояний человека. Татьяническа нашла свои, особые формы взаимодействия природных сил: «глухаркой огненной зари сидит на влажной ветке», «за щекою у зари тает месяц леденцовый» и т.п., но

самый её поиск нельзя верно расценивать вне проложенного Есениным русла.

Переключку с есенинско-прокофьевским метафорическим строем предопределили освоенные Татьяничевой на новой исторической основе принципы устного народного творчества. Позднюю лирику Татьяничевой буквально пронизывает поэтический антропоморфизм. Это характерное для фольклора одухотворение природы как средство включения её в лирическое действие, трансформируясь сообразно современному сознанию, находит своё дальнейшее продолжение и развитие.

Поэтесса слышит мольбу о помощи мятущегося в горе моря, тоску оборванной у бездны дороги, понимает ранимую душу озера, не сумевшего стать морем («Под тяжестью неизвестных обид», «Дорога», «Озеро»). Проникновение в сложную жизнь природы нашей эпохи значительно активизировало фольклорную традицию в поэзии Татьяничевой, которая позволила передать связи исконных земных стихий и человеческих процессов.

В образах деревьев, гор, рек Татьяничева акцентирует мужество, жизнестойкость, самоотверженность, то есть проецирует на них качества своего лирического героя. Так, в «Сказе о берёзе» перед нами трогательная, хрупкая и вместе с тем обладающая нестигаемой силой заглавная «героиня», медленно, но неуклонно бредущая на север, от которого отступают даже дуб и кедр:

То в три погибели сгибаясь,
То наземь падая ничком.
И листьев согревала завязь
Расшитым тундрой платком.

Шла с севера непостижимой,
Изранив ноженьки об лёд,
Как женщина,
Когда любимый
Её зовёт и очень ждёт¹⁴⁵.

Воплощая в традиционных символах русской лирики (берёза, рябина) важные приметы современности, Татьяничева ищет и находит наиболее соответствующий ей «характер»: «сосны растут не сутулясь», «сосен царственная стать», «лапы сосен, словно вёсла, выгребают в синеву», открыто соотносит его с человеком:

Мы учились у сосен крутой прямизне.
Мы дивились упорству горных пород.
И всю жизнь неотступно думалось мне,
Что мой голос, увы, недостаточно тверд.
Мы боялись дать волю нежным словам,
Может быть, потому,
Что и век был суров...
От даров нераздаренных
Тяжко рукам.
А душе тяжело от несказанных слов!¹⁴⁶

У Татьяничевой есть целый ряд стихотворений публицистического звучания: «Для меня нет превыше награды Словом-песней Родину беречь», Мне бы только суметь, Мне бы только успеть О народе своём полным голосом спеть!» Они, безусловно, искренни, но, признаться, более убеждает эстетическая программа, заключённая в образ-

¹⁴⁵ Татьяничева Л.К. Избранные произведения. Т. 2. С. 309.

¹⁴⁶ Татьяничева Л.К. Верность. 2005. С. 49

ную плоть, как в стихотворении «Камнеломка», «Колосья», «Письмена берёз», «Мой оленёнок».

Стих возникает на листе бумаги так же естественно, легко, всегда неожиданно, как оленёнок на заснеженном поле («Мой оленёнок»). Устойчивое сравнение «слово-птица» рождает целый поток неповторимых аналогий в лирике Татьяничевой: строка – труженица-пчела или добрый Конёк-Горбунок, рифмы – чайки, ритмы – волны, стихи – колосья, нежно и упорно возвращаемые на ниве сердца. «Стихи рождаются и развиваются по законам природы, – читаем у В.Фёдорова, – подобно тому, как из дремлющей почки рождается и расправляется пятипалый кленовый лист, как из брошенной на дно озера личинки является звонкокрылая стрекоза»¹⁴⁷.

Рождение слова, стиха получает у Татьяничевой разные метафорические решения, многие из которых восходят к фольклорным: прорастающие в сердце зёрна, рождающееся в сотах янтарное чудо, но чаще других – огненное и даже «колдовское»:

Из лучей,
Из заповок,
Из трав
В звонком тигле
На сильном огне
Выплавляю особенный сплав,

или:

Лучей осенних собираю хворост,
Чтобы высокий
Распалить костёр.

¹⁴⁷ Фёдоров В. Наше время такое. С. 78.

Он разжигается на сердце, как на бересте, обычный огонь, поленьями служат надежды, радость, горе, сомнения. Когда пламя очистится от дыма, легко, неотвратимо «узлами рифм завяжутся слова» («Береста»). У Татьянической есть и совершенно неожиданная метафора рождения стиха:

Как ножкой дитя,
Толкнётся строкой
Новое стихотворение.

Здесь творческий процесс уподоблен глубочайшему таинству природы – зарождению новой жизни, причём ощущение передано по-матерински взволнованно и трепетно.

«От сердца к сердцу, точнее, из сердца в сердце, – вот путь, который должно совершить Слово, – читаем во вступлении к сборнику «Хвойный мёд». – Я стою на пороге и смотрю ему вслед, словно не Слово, а родного сына провожаю в путь»¹⁴⁸.

При чтении «Камнеломки» связь жизнелюбивого, стойкого цветка с представлением о поэзии осуществляется не столько в системе стиха, сколько в читательском воображении. Поэт Васильев, например, полагает, что они (стихи Татьянической и цветок камнеломка) похожи внешне: их упругий стебель берёт начало в реальной, суровой, драматично сложной действительности. Невелики по объёму, они совершенны по форме.

Несколько неожиданно для строгой, сосредоточенно-неспешной, счастливо избежавшей разлада сердца и

¹⁴⁸ Татьяническая Л.К. Хвойный мёд: Книга избранной лирики – М.: Современник, 1978. С.4.

разума Татьяничевой звучит название-восклицание одного из стихотворений – «Да здравствует святое безрассудство!», поскольку вне смелого и дерзкого вдохновения, первоизданного, как сама природа, немислимо «страстное служение искусству, связывающему страны и века». В лирической миниатюре «Мы входим в лес тропую белой» на одном полюсе поэзия, т.е. восхищение пьянящим праздником зимы, где радостно и «бубенцово» сыплется «багряный смех» рябин, на другом – глухое, небрежное равнодушие к тишине, сказке и тайне зимнего леса.

Предпринятый поиск Татьяничевой во многом продолжает начатый Н. Заболоцким, развитый В. Рождественским и Л. Мартыновым. Все они отдали дань осмыслению таинств поэзии-искусства. У Заболоцкого в «Вечере на Оке» «природа смотрит как бы с неохотой На нас, на очарованных людей». Подлинная радость, восторг живого чуда красоты даётся далеко не каждому, она требует особой духовной зоркости, способности остановить то мгновение, когда таинственно блеснувший вечерний луч снимет плотную завесу обыденности и открывает прекрасное лицо мира. Так утверждается заветная мысль поэта о гармонии духовного, этического начала в природе и человеке. Стремление обрести гармоническое слияние людей и их первоизданного окружения стало знаменем времени.

НЕТ ДЛЯ ПЕСЕН ПОГАШЕННЫХ СЛОВ

ГЛАВА IX. НЕТ ДЛЯ ПЕСЕН ПОГАШЕННЫХ СЛОВ

В свое время Леонид Леонов советовал молодым писателям: «Умейте благоговейно слушать народную речь. Для нас, литераторов, не может быть слаще музыки. Это такая же радость, как сидеть у родника и следить за игрой подземных струек. Какая многогранность народной жизни слышится порой в её кажущемся иному снобу косноязычии! В народной речи слова несут в себе первозданное свечение и звучание»¹⁴⁹. Татьяничева по-своему откликнулась на эту вечную истину: «Нет для песен погашенных слов» – и сознательно отдалась стихии народной речи.

Любовно и пластично поэтесса вводит в свой словарь элементы из уральских и других народных говоров, дошедшие до нас в разговорных и фольклорных формах. Это прежде всего слова, обозначающие явления природы: *листодер, лесовей, низовик, снеговей* (ветра), *сутемь, морок, хмарь, непогодь, озимки, нищоброды, бусенец, чаруса, ряска; колобродят, раздичилась, огрузлые*; или бытовизмы из крестьянского обихода: *приступок, конь-подлеток, сызмальства, корысть, отдарок*.

Особый интерес поэтессы вызывают топонимы. Её глубоко волнует «причудливость редких названий российских цветов и озёр», в которых слышится музыка древних сказаний. Коршуниха, Грешница, Соседка, Золотинка, Мама – поэтичнейшие названия русских речушек. У каж-

¹⁴⁹ Леонов Л. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. С. 234.

дой своя легенда, каждая наделена характером. Камне-ломка, Сарана, Беловер, Бубенчик лилового сна (искатель трав или слов именовал их?!) – названия северных цветов и поэтических миниатюр о них. Интерес ширится до вопроса, откуда возникли ликующие в сердце музыкой имена Руть, Россия:

Какой певец, какой пророк
Раздольным именем
Россия
Тебя удачливо нарёк?

Широко представлена в стихах Татьянаичевой топонимика Урала: озеро Кисегач, Чебаркуль, хребет Таганай, Откликной, Ай-Дарлы, реки Юрюзань, Ай. В подавляющем большинстве это слова башкирского происхождения. Поэзия и музыка звучащей башкирской, мордовской, украинской речи, не меньше, чем родной, волнует поэтессу:

К названьям рек,
Коротким, словно вскрик,
Мой слух ещё с младенчества привык,
Зелёная шальная речка Ай
Задорно мне кричала:
– Догоняй! –
Башкирской речи солнечную грань
Хранит в своём теченье Юрюзань.
Как звон струи,
Как влажное «буль-буль»
Озера Иссык-Куль
И Чебаркуль.
Клич беркутов,

Взлетающих с горы,
Мне слышится
В названье Ай-Дарлы.
И кажется, что сам собой возник
Поэзии отзывчивый язык¹⁵⁰.

В поздней лирике Татьяничевой уважение к языковой и поэтической традиции, в сравнении с предшествующими периодами, проявилось наиболее сильно и концентрированно. Это выразилось в самом характере поэтического мироощущения, образного видения, в своеобразном одушевлении природы, а также в сознательной, даже подчёркнутой стилизации устного народного творчества.

В стихах Татьяничевой присутствуют образные атрибуты народной сказки, сказа, былички: *живая вода, избушка-зимовейка, Конёк-горбунок, Снегурочка, Полоз, Леший*, – народной лирической песни: *грусть-тоска, разлюбица*. По их образу поэтесса сама создаёт фольклорные аналоги: Диковинка, чёрный тополь. Включает в стихотворение пословицы: Мал да удал («Колобок»), «Вот бог – вот порог! («Дразнил: – Не люблю!»). Иногда пословица служит для развития поэтической мысли. «Нет дыма без огня, но есть огонь без дыма» – исток прославления негаснущего пламени мартенов и домен. В другом стихотворении она выносит пословицу в эпиграф, чтобы её опровергнуть. «Лес по дереву не тужит» – звучит народная мудрость, а Татьяничева рисует картину лесного горя, тоски деревьев и ветра по павшему в грозу кедру-исполину («Рухнул кедр»).

¹⁵⁰ Татьяничева Л.К. Верность. 2005. С. 57.

Фольклорная традиция проявляется и в приёмах поэтического синтаксиса – отрицательного параллелизма, повторения, инверсии:

То не лебедь с лебедихой
Лёгкий пух роняют в пруд, –
Тополь с белой тополихой
В синем мареве плывут.

В стихах последних лет немало удачных стилизаций, воссоздающих фольклорные формы и ритмы:

Не пить ваши воды талые.
Не достать вас руками,
Речки,
Реченьки малые,
Ставшие облаками

Своеобразный ритмический рисунок умеет создать Татьяничева в хореической структуре народной песни-романса:

И на ведрах стали уж не розы
И не птицы
Радостные, зорние,
А все больше злые змеи-полозы
Да кусты обобранные,
Чёрные.

Не менее любим Татьяничевой частушечный ритм:

То ль к весне зима
Бьётся по льду лещём?
То ли я сама
Молода ещё?
Вербихлест, вербахлест,
Бей до слёз, бей до слёз.
Милого наказывай,
А за что, не сказывай.

Стиховой узор произведений Татьянической самобытен, инверсии и смещения ритмов эмоционально оправданы. Так, лирическая миниатюра о московской рябине, скромной, задумчивой и нежной, как девушка в гостях, вписана в классический пятистопный ямб, в то время как в финале неожиданно возникает разудалый хорей:

Под окном моим
Рябина,
За окном моим –
Москва.

При этом ритм большинства стихотворений Татьянической небыстрый, речь негромкая, плавная. Как заметил один из критиков, в ней слышится «задумчивая, таинственно-монотонная мелодия. Кажется, эта внутренняя музыка существовала раньше, чем явилось слово»¹⁵¹. Слово заставляет звучать строй, ритм, мысль. Оно функционирует в стихе как первоэлемент смысла и метра.

В жанровом отношении Татьяническа всегда тяготела, а в последние годы отдает явное предпочтение лаконичным, концентрированным формам лирических медитаций, исчерпывающим замысел в малом объёме. Отталкиваясь от предмета, факта, явления природы или жизни, на этой базе она строит мыслеёмкое лирическое стихотворение, в котором сама поэтическая мысль возникает под решающим воздействием впечатлений, полученных от внешнего, объективного мира.

Лирическое стихотворение может строиться на сюжетной основе, определённой жизненной ситуации, часто

¹⁵¹ Пистунова А. Светлое слово // Литературная Россия. 1975. 10 сентября. С. 14.

лично пережитой, глубоко прочувствованной. Такое стихотворение всегда содержит повествовательный элемент, некоторый балладный оттенок. Повествование может быть развёрнутым, как, например, в «Балладе о доброте». Детская память навечно запечатлела подробности горького, страшного дня похорон матери: заснеженное поле, старенькие дроги, дешёвый гроб, могильный холмик, ствол рябинки, обвязанный для приметы цветным платком, шарф, которым укутал сироту возница-татарин. Эта последняя деталь приобретает характер символа:

Шарф из серого
Козьего пуха
Меня добрым теплом
Одарил¹⁵².

С другой стороны, сюжетная ситуация может быть только намеченной, указанной, как в миниатюре «Припомнишь»... Нет развернутого повествования, запечатлён всего лишь эпизод, даже кадр большой войны, а образ сразу получает силу обобщения: ключевая вода становится живой водой, чистой, незамутнённой, но горькой, как детская слеза.

Нередко лирические раздумья Татьяничевой представляют афористические высказывания, почти лишённые пластической динамики. Как правило, такие стихи связаны с углублением в морально-психологические понятия: «Искренность», «Большая воля», «Непреклонность», «Гордые».

Но чаще лирическое размышление Татьяничева ведёт в обобщённо-личной форме. Накопление изобрази-

¹⁵² Татьяничева Л.К. Избранные произведения. Т. 2. С. 89.

тельных деталей, образов неизбежно приводит к выводу, проявленному в виде рефрена или заключительного режюме. Так, в стихотворении «Как прекрасна земля» целый ряд образов просторного, светлого мира – заря, закат, леса, поляны, звёзды – эмоционально подготавливают закономерный и одновременно неожиданный итог:

Чувство свободы
Рождает в нас
Сознание высокого долга!

Лирические стихотворения, построенные на сопоставлении человеческого бытия и природы, нередко приобретают характер притчи. Один из наиболее ярких примеров – «Памяти друга»:

Никто не видит,
Как сгорают корни...
И дереву до срока невдомёк,
Что пошатнулся
Кряж его опорный –
Копитель силы,
Крепости исток...
Но вдруг заметим
Мы однажды летом,
Что листья стали
Мельче и бледней.
Не по прямым –
По косвенным приметам
Мы узнаём о гибели корней.
Казним себя,
По сердцу бьём наотмашь
За то, что, находясь совсем вблизи,

Не поспешили дереву
На помощь
И красоту от смерти
Не спасли...¹⁵³

В стихотворении отсутствует открыто сформулированный вывод, поэтическая мысль воплощена в пластическую аллгорию, смысл которой не нуждается в особом комментарии.

В других стихах психологический параллелизм открыто проявлен. Ряд сравнений с деревьями, реками, колосьями («Не для себя деревья плодоносят») подготавливает резюме:

Чем щедрее отдаёшь ты людям,
Тем радостней живёшь и для себя!¹⁵⁴

Подобная структура широко распространена в медитативной лирике.

Притчеобразная форма помогает соотнести нравственно-философские искания современной личности с извечными вопросами человечества. Плодотворным оказалось обращение поэтов в последние десятилетия XX века к древним жанрам восточной поэзии. Таковы иронические четырёхстишья В. Фёдорова, «надписи» и восьмистишья Р. Гамзатова. Философско-лирические миниатюры отличаются широтой тематики и афористичностью. Не думая проводить прямых аналогий, хочется сказать, что лаконичность, концентрированность мысли, параллелизм построения, преобладание морально-этической проблема-

¹⁵³ Татьяначева Л.К. Хвойный мед. Книга избранной лирики – М.: Современник. 1978. С. 25.

¹⁵⁴ Там же. С. 10.

тики, наличие философично звучащих концовок делают некоторые миниатюры Л. Татьяничевой ярким явлением этого жанра: «Лавина», «Кто не поймёт, в чём жизни соль», «Не надо одиночества бояться», «Я горы не хочу обидеть», «В старинной песне я забыла слово», «Ущелье».

...Зазубрины,
Щербатинки
И щели
Так безобидны...
Злоба им чужда!
Но с них и начинаются
Ущелья,
Как с лёгких ссор
Угрюмая вражда¹⁵⁵.

Показательны для творческого опыта зрелой Татьяничевой стихи-посвящения: «Высокая гряда» – Николаю Тихонову, «Живёт поэт» – Николаю Рыленкову, «За большими делами вослед» – Борису Ручьёву, «Ледокол» – Василию Фёдорову, «На горных тропах» – Расулу Гамзатову, «Горы» – Кайсыну Кулиеву, «Крыши» – Алимю Кешокову и др., где конкретность отношения к каждому из современников сочетается с мыслью-обобщением жизни.

Популярность стихов Л. Татьяничевой на Урале бесспорна, некоторые ее строки давно стали хрестоматийными. В сочинениях старшеклассников и сегодня часто цитируется: «Когда говорят о России, Я вижу свой синий Урал», «В Урале Русь отражена». У такой хрестоматийности есть и своя оборотная сторона. Повторение ставших общим местом утверждений – "певец Урала", – невольно

¹⁵⁵ Там же. С. 33.

как бы сводит творчество Татьяничевой к одной теме, представляет ее читателю как местного поэта. А это неверно и несправедливо. В лучших своих произведениях Татьяничева достигла подлинных высот поэтического мастерства. Лаконичность, концентрированность мысли, преобладание морально-этической проблематики делают ее лирические миниатюры ярким явлением, значимым вкладом в поэтическую культуру двадцатого века.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Имена талантливых поэтов мы зачастую связываем с той или иной областью, краем нашей необъятной родины. Эта связь особенно отчётливо проявляется в индивидуальной образной системе. Суровая, величественная красота Уральских гор, крутая прямизна устремлённых в поднебесье корабельных сосен, незамутнённая, чистота и прозрачность горных рек и озёр с юных лет вошли в самую плоть и кровь поэзии Людмилы Татьяничевой. Мужественная и прекрасная горно-таёжная земля напитала её силой, одарила неповторимыми, незаёмными красками.

«Вне Отчизны поэзии нет и не может быть, как не может быть плодоносящей ветви вне дерева, а дерева без объёмлющих землю корней, – убеждена поэтесса. – Тему Родины, России, моего уральского Синегорья всегда считала для себя главной, неотрывной от собственной судьбы, от жизни своей души»¹⁵⁶.

Среди имён любимых и родных
Храним мы рек прозрачные названья.
Мы помним шелест ковылей седых
И синих гор лепные очертанья.
А если на чужбине, среди сна,
Согреет нас дыханием сосна,
То, как рисунок на булатной стали,
Возникнет в сердце песня об Урале.

¹⁵⁶ Татьяничева Л. Хвойный мёд. 1978. С. 5.

Сегодня, спустя 70 лет, мы можем сказать, что в этом стихотворении, написанном в 1944 году, молодой поэтессой была заявлена творческая программа на долгие годы. «Песня об Урале» или «Мой Урал» – так предполагала Татьяничева назвать задуманную ещё в 70-е годы книгу, замыслом которой она делилась с читателями «Вечерней Москвы»: «Мне хочется написать о «моём Урале», о своей судьбе и о судьбах других людей, о встречах и расставаниях, о времени... Книгу со вступлением, отступлениями, в которой перемешались бы стихи и проза. Словом, мне видится будущая книга узорной, что ли по построению»¹⁵⁷.

Поэтессе не суждено было осуществить свой замысел. Но мы, её читатели, с полным правом и основанием можем поставить заглавие незаконченной книги к собранию стихов Татьяничевой, стихов о времени и людях, о родине и о себе.

«Людмила Константиновна Татьяничева представляется мастером, творящим широкую мозаичную панораму времени и событий. В центре её – человек. В таком труде важно всё – и выбор предмета изображения, и точный композиционный замысел, и умело выполненный штриховой набросок. И, наконец, каждая отдельная деталь мозаики. У неё эти детали выполняются лишь самоцветными камнями...»¹⁵⁸ – так писала «Советская Россия» в 1979 году.

Камень, огонь, металл – образы, связанные с «каменной кладовой» России – Уралом, его неоспоримыми мастерами-умельцами, его сегодняшним днём, озарённым заревами магнитогорских мартенов и домен. В поэтиче-

¹⁵⁷ Вечерняя Москва. 1973. 1 августа. С. 3.

¹⁵⁸ Советская Россия. 1979. 18 декабря.

ской системе Татьяничевой эти образы приобрели характер символов одухотворённого человеческого труда, таланта и мастерства. В родном Урале поэтесса превыше всего ценила и любила людей этого горделивого богатырского края. И мерой всех мер было для неё отношение к людям труда, к всемогущим рабочим рукам. Первозданная красота родной земли и красота создаваемого человеческими руками неразделимы, прочно сплавлены в художественном мире Л. Татьяничевой.

Живу я в глубине России,
В краю озёр и рудных скал.
Здесь реки – сини,
Горы – сини,
И в синих отсветах металл.
.....
По красоте,
По скрытой силе
Мне не с чем мой Урал сравнить.
Иной здесь видится Россия.
Суровой,
Строже, может быть.
А может здесь она моложе...
Свежей тут времени рубеж.
Но сердце русское –
Всё то же.
И доброта.
И песни те ж!
И лица те же, что в Рязани,
И так же звучны имена.
Как солнце в драгоценной грани –
В Урале Русь отражена¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Татьяничева Л.К. Верность.2005. С. 77-78.

Вот он ключ к самоцветному ларцу – поэтическому наследию Людмилы Константиновны Татьяничевой. Оставаясь верной любящей дочерью Урала, она встала в ряд лучших русских поэтесс, заняла достойное место в большой антологии поэзии XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Татьянаничева Л.К. Избранные произведения. В 2 т. – М.: Художественная литература. 1976.
2. Татьянаничева Л.К. Калитка в лес осенний. Книга новых стихов – М.: Советский писатель. 1979 – 248 с.
3. Татьянаничева Л.К. Будьте добры. Стихи разных лет. Воспоминания современников – Челябинск: Юж-ур.кн.изд-во. 2000 – 312 с.
4. Татьянаничева Л.К. Мне бы только успеть... Письма и дневники – М.: Русская книга. 2002 – 464 с.
5. Татьянаничева Л. К. Верность / Сост. Э.Я.Смелянская, Ю.Н. Смелянский/ – М.: Русская книга. 2005 – 560 с.
6. Барковская Н.В. Литературная репутация Людмилы Татьянаничевой (в преддверии 100-летнего юбилея) // Прагматика поэтики: стратегии продвижения регионального текста. Пермь. 2014. С. 62-69.
7. Маркова Т.Н. Анна Ахматова в творческой судьбе Л. Татьянаничевой // Русская литература, 1983, № 3, С. 150-155.
8. Маркова Т.Н. Молчание о любви в лирике Л. Татьянаничевой // <http://mediazavod.ru/articles/98803>.
9. Маркова Т.Н. Уральский характер в поэзии Людмилы Татьянаничевой // Татьянаничева Л. Лирика. Серия «Доступная классика». Челябинск. 2015 – С. 6-16.

10. Маркова Т.Н. Павел Бажов в творческой судьбе Л. Татьяничевой (К 100-летию со дня рождения поэтессы) // Уральский филологический вестник. 2015. № 2. С. 158-174.

11. Сорокин В.В. Красивая и строгая // В. Сорокин. Благодарение. Поэт о поэтах. Портреты писателей, очерки, литературная критика. М., 1986.

12. Ханбеков Л.В. Судьба – это мы. Очерк творчества поэтессы Л.К. Татьяничевой – Челябинск: Юж-ур.кн. изд-во. 1984 – 144 с.

13. Ягодинцева Н.В. Судьба и творчество Людмилы Татьяничевой. К 90-летию // Урал. 2005. № 12.

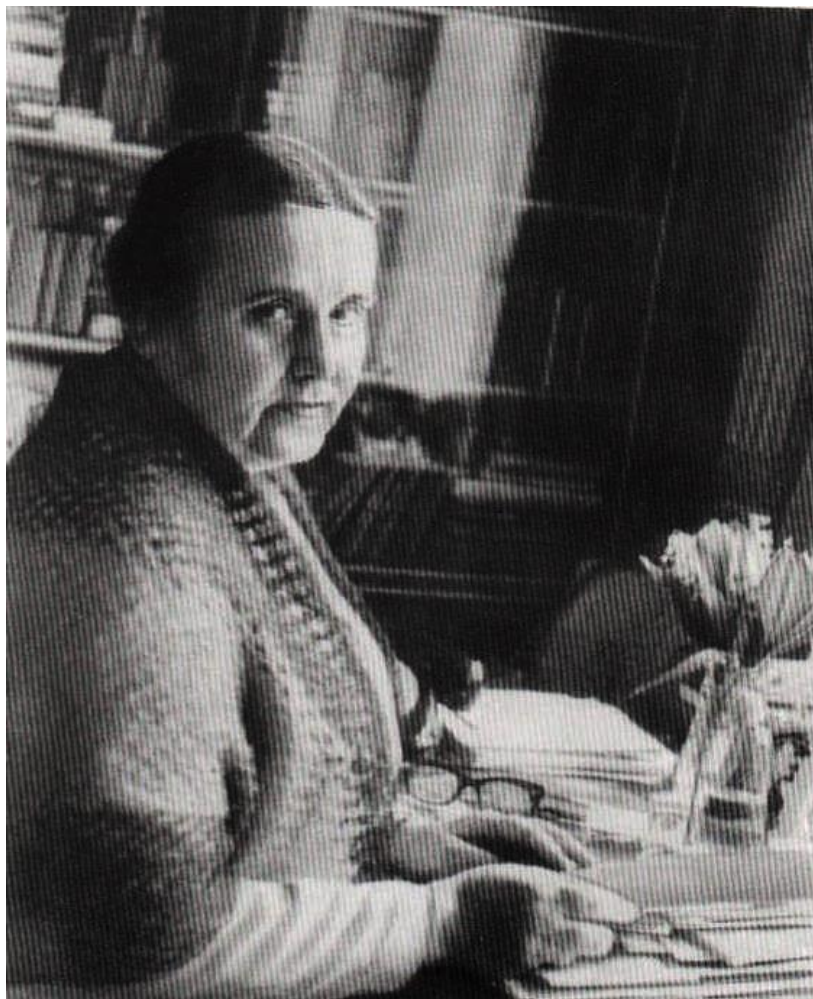
14. Якушина Н. Вечер памяти Татьяничевой (Малый зал ЦДЛ) // http://vk.com/video-55905065_165888602.

Людмила Татъяничева. 1934 г.

М. Гроссман, М. Львов, Л. Татъяничева. 1945 г.

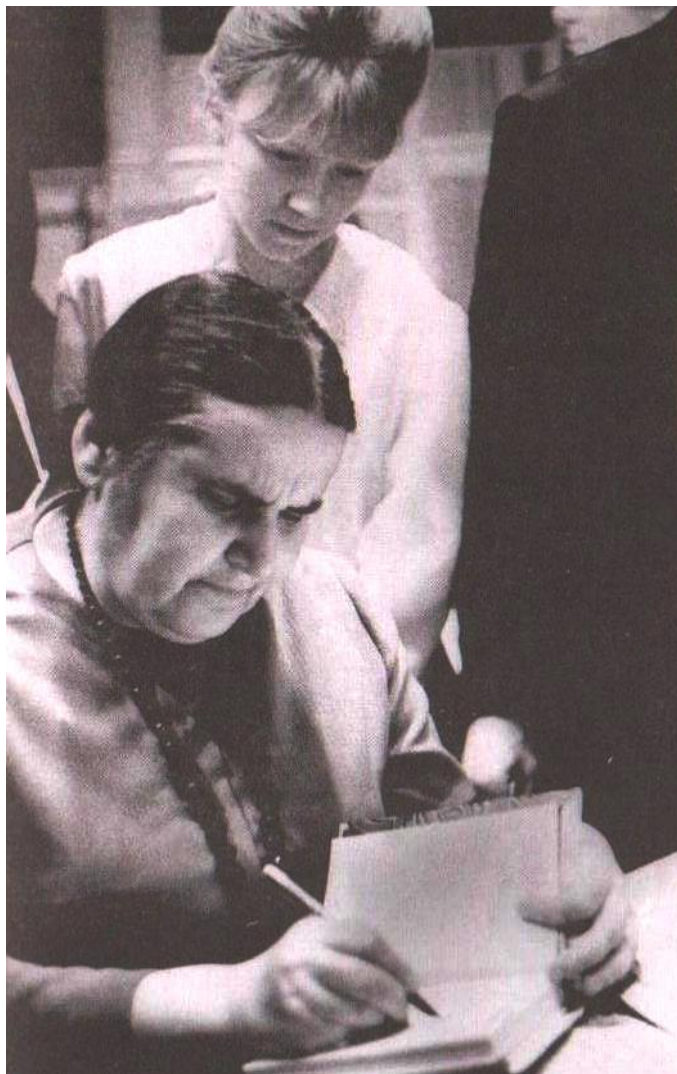
Л.К. Татъяничева за работим столом. 60-е гг.

Л.К. Татъяничева с мужем Н.К. Смелянским. 70-е гг.

Л.К. Татъяничева на поэтическом вечере в театре ЧТЗ. 60-е гг.

Л.К. Татъяничева после встречи с читателями. 60-е гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I. Когда-то в тридцатом, в начале... ..	7
Глава II. В году военном... ..	28
Глава III. В поиске «сокровенного слова»	48
Глава IV. Необщих черт живое выраженье	64
Глава V. С народом вместе прожитые годы	89
Глава VI. Великая радость - Работа	111
Глава VII. В междузорье вмещается жизнь	127
Глава VIII. Из лучей, из заповок, из трав	141
Глава XI. Нет для песен погашенных слов	152
Вместо заключения	162
Библиографический список.....	166

Научно-популярное издание

Татьяна Николаевна Маркова

ПЕСНЯ ОБ УРАЛЕ
Очерк творчества
Людмилы Татьяничевой

ISBN 978-5-91274-279-8

Подписано в печать 25.08.2015 г.
Формат 60x90/16. Тираж 500 экз.
Объем 5,5 уч.-изд. л. Бумага офсетная
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ЧГПУ
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69